

Тотъ, кого я люблю днемъ и ночью
Тотъ, кого я люблю днемъ и ночью, мнѣ снилось,
сказали мнѣ, умеръ,
И мнѣ снилось, пошелъ я туда, гдѣ они схоро-
нили того, кто мнѣ дорогъ,
Но въ томъ мѣстѣ онъ не былъ,
И мнѣ снилось, что я проходилъ и искалъ
между мѣстъ погребальныхъ,
Чтобъ найти его,
И увидѣлъ, что каждое мѣсто —
Погребальное было,
Дома, что исполнены жизни, исполнены были
и смерти,
(Вотъ и этотъ теперъ),
Улицы, и корабли, и мѣста развлеченья,
Чикаго, Бостонъ, Маннагатта, Филадельфія,
были полны мертвецами, не только
живыми,
Мертвецовъ было больше повсюду, о, больше
гораздо;
И то, что мнѣ снилось, хочу говорить я отнынѣ
всѣмъ людямъ и всѣмъ поколѣньямъ,
И связанъ отнынѣ я съ тѣмъ, что мнѣ снилось,
И нынѣ я знать не хочу всѣхъ мѣстъ погребаль-
ныхъ;
И хочу я безъ нихъ обходиться,

И, еслибъ въ честь мертвыхъ поставлень былъ
памятникъ гдѣ бы то ни было,
Хоть тамъ, гдѣ я ѣмъ и гдѣ сплю — я былъ бы
доволенъ,
И если тѣло того, кто мнѣ дорогъ, иль соб-
ственный трупъ мой,
Въ прахъ, образомъ должнымъ, сведется, и
прахомъ низвергнется въ море,
Я буду доволенъ,
Или, если вѣтрамъ его бросать,
Я буду доволенъ.

Спящіе

Я блуждаю всю ночь въ сновидѣннѣи,
Я шагаю легко, я шагаю безшумно и быстро,
останавливаюсь,
Наклоняюсь съ глазами раскрытыми надъ гла-
зами закрытыми спящихъ,
Я блуждаю, смущаюсь, теряюсь, себя забываю,
не согласуюсь, противорѣчу,
Медлю, гляжу, наклоняюсь, на мѣстѣ стою.

Какъ торжественно, тихо лежатъ они,
Какъ дышутъ спокойно они, дѣти въ своихъ
колыбеляхъ.

Несчастныя вижу черты людей пресыщенныхъ,
облики бѣлые труповъ, багровыя лица
пьяницъ, болѣзненно сѣрыя лица тѣхъ,
что сами ласкаютъ себя,

Тѣла на поляхъ сраженья, съ кровью глу-
бокихъ ранъ, сумасшедшіе въ ком-
натахъ наглухо запертыхъ, дурачки не-
винно-блаженные, новорожденные, эти
изъ вратъ исходящіе, и умирающіе,
эти изъ вратъ исходящіе,

Ночь проникаетъ ихъ, ночь ихъ объемлетъ.

Брачная спитъ чета спокойно въ своей постели,
онъ положилъ ладонь на бедро супруги,
она положила свою ладонь на бедро
супруга,

Сестры нѣжно спятъ бокъ о бокъ въ своей постели,
Мужчины нѣжно спятъ бокъ о бокъ въ постеле-
ляхъ своихъ,

И спитъ съ ребенкомъ своимъ мать, закутавъ
его.

Слѣпые крѣпко спятъ, глухіе спятъ и нѣмые,
Спитъ узникъ спокойно въ тюрьмѣ, и спитъ
блудный сынъ,

Убійца, что будетъ повѣшенъ завтра, какъ
спитъ, какъ спитъ онъ?

И тотъ, кто убить, какъ онъ спитъ?

Спитъ женщина, любящая безъ взаимности,

Спитъ мужчина, любящій безъ взаимности,

И спитъ голова того, кто весь день строилъ
планы, и деньги, и деньги сколачивалъ,

И тотъ, кто характеромъ бѣшенъ, и тотъ, кто
предатель, всѣ спятъ.

Я стою въ темнотѣ, опустивши глаза близь
тѣхъ, кто страдаетъ всего и всего без-
покойнѣй,

Я на нѣсколько дюймовъ отъ нихъ рукою своей
провожаю, успокаивая.

Я взоромъ пронзаю тьму, существа иныя явля-
ются,

Земля отъ меня отступаетъ въ ночь,

Я вижу, что это было красиво, и я вижу, что то,
что не земля, красиво.

Я иду отъ постели къ постели, я сплю съ другими
спящими, съ каждымъ рядомъ по очереди.
Мнѣ снятся во снѣ моемъ сны, всѣ сны другихъ
уснувшихъ,
И я становлюсь другими уснувшими, спящими.
Я пляска — играйте вы тамъ! я кружусь все
скорѣй и скорѣе!
Я вѣчно-смѣющійся, — вотъ, новая свѣтитъ луна,
и сумерки,
Я вижу веселыя игры, въ прятки, куда ни
взгляну я, повсюду проворные духи,
Вновь прятки, и прятки опять, глубоко въ
землѣ и въ морѣ,
И тамъ, гдѣ не море, и гдѣ не земля.

Изъ колыбели безконечно баюкающей

Изъ колыбели безконечно баюкающей,

Изъ горла птицы-пересмѣшника, музыкальный
челнокъ,

Изъ полночи Девятаго мѣсяца,

Надъ песками бесплодными и полями, что
тамъ вдали, гдѣ ребенокъ, оставивъ
постель свою, блуждалъ одиноко, босой,
съ головой обнаженной,

Внизъ изъ упавшаго свѣтлымъ дождемъ ореола,

Вверхъ изъ мистической этой игры тѣней,
переплетающихся, обнимающихся, какъ
будто бы были онѣ живыя,

Изъ массовыхъ пятенъ терновника и ежевики,

Изъ воспоминаній о птицѣ, которая пѣла мнѣ,

Изъ воспоминаній о тебѣ, грустный братъ,
изъ этихъ прерывистыхъ подъятій и
паденій, которыя я слышалъ,

Изъ-подъ этой желтой половинной луны, поздно
вставшей и распухшей, какъ будто отъ
слезъ,

Изъ этихъ начальныхъ нотъ любви и томленья
въ туманѣ,

Изъ тысячи отвѣтовъ моего сердца, никогда не
кончающихся,

Изъ мириадъ отсюда возникшихъ словъ,

Изъ слова сильнѣе и сладостнѣй, чѣмъ какое
бъ то ни было,
Изъ словъ такихъ, какъ они возникаютъ теперь
при посѣщеніи вновь этой сцены,
Какъ стая, щебечущая, взлетающая, или кверху
пролетающая,
Проворно сюда устремившись, прежде чѣмъ
всѣ исчезнуть,
Мужъ зрѣлый, но вотъ, въ силу этихъ слезъ,
малый мальчикъ опять,
Бросившись здѣсь на песокъ, лицомъ предъ
волнами,
Я, пѣвецъ страданій и радостей, соединитель
того, что здѣсь, и грядущаго,
Берущій всѣ указанья, чтобы ихъ примѣнить,
но быстро за нихъ убѣгающій,
Воспоминанье пою,
Помѣнокъ бывшихъ дней,
Когда въ воздухѣ былъ аромат сирени и росла
трава Пятаго мѣсяца,
Вверху, на этомъ морскомъ берегу, въ терновомъ
кустарникѣ,
Два пернатые гостя изъ Алабамы, два вмѣстѣ,
И гнѣздо ихъ, и четыре свѣтло-зеленыхъ яйца
съ коричневыми крапинками,
И каждый день самецъ тутъ и тамъ пролеталъ
все близко,
И каждый день самка сидѣла въ гнѣздѣ, без-
гласная, съ глазами блестящими,
И каждый день я, любопытный мальчикъ, ни-
когда слишкомъ близко, никогда не
мѣшая имъ,
Осторожно смотря внимательнымъ взглядомъ,
вбирая въ себя, переводя.

Сіяй! сіяй! сіяй!

Низливай теплоту свою, солнце великое!

Пока мы здѣсь грѣемся, мы оба вмѣстѣ.

Оба вмѣстѣ!

Вѣтры вѣютъ на Югъ, вѣтры вѣютъ на Сѣверъ,

День бѣлымъ приходитъ, ночь черной приходитъ,

Дома, на рѣчкахъ, въ горахъ, не дома, Съ пѣсней все время, не помня о времени,

Пока мы оба здѣсь вмѣстѣ.

И вдругъ,

Быть можетъ, убита, объ этомъ товарищъ не зналъ,

Въ полдень одинъ, самка больше въ гнѣздѣ не сидѣла,

И послѣ полудня она не вернулась, ни день спустя,

И никогда уже больше не появилась.

Съ той поры все лѣто въ говорѣ моря,

И ночью подъ полною круглой луной въ болѣе тихое время,

Надъ хриплымъ приборомъ морскимъ,

Или порхая съ куста на кустъ въ терновникѣ днемъ,

Я видѣлъ, я слышалъ, время отъ времени, одного самца осиротѣлаго,

Одинокаго гостя изъ Алабамы.

Вѣй! вѣй! вѣй!

Вѣй вѣтеръ моря, вдоль береговъ Помэ-
нока!

Я жду и все жду, когда ты привѣешь
мнѣ вѣяньемъ подругу мою.

Да, когда звѣзды блистали,
Всю ночь на зубцѣ вѣхи, иззубренной мхами,
Внизу почти среди волнъ съ ихъ захлестыва-
ньемъ,

Сидѣль одинокій пѣвецъ, дивно рождая слезы.

Подругу свою онъ звалъ,
Онъ изливаль значенія, которыя знаю изъ всѣхъ
людей только я.

Да, братъ мой, я знаю,
Другіе того не могли бы, но я сохранилъ твою
каждую ноту,

Ибо не разъ, о, не разъ, смутно скользя къ
этой бухтѣ,

Безмолвный, избѣгая сіяющихъ лунныхъ лучей,
сливаясь съ тѣнями,

Отзывая теперь туманныя формы, отзвуки эти,
звуки и всѣ очертанья различныя въ
ихъ раздѣленьяхъ,

Неутомимо бѣлыя руки въ кипѣнни буруна
кидая,

Я, съ ногами босыми, ребенокъ, съ волосами,
вѣтромъ разметанными,

Долго и долго внималъ.

Баюкай! баюкай! баюкай!

Вплоть за волной другая волна нѣжно
ее баюкаетъ,

И снова другая, опять набѣгаетъ, опять
обнимаетъ, и каждая тѣсно къ
другой.

Но меня любовь моя не баюкаетъ, нѣтъ,
не баюкаетъ.

Низко нависла луна, встала она такъ
поздно,

Медлить луна — отяжелѣла она, любо-
вью навѣрно, любовью.

О, сумасшедшее море толкается въ сушу,
еще,

Съ любовью, съ любовью.

О, ночь! не любовь ли моя, вонъ я
вижу, порхаетъ и вѣется въ
кипѣнныи буруна?

Что это тамъ за черная малая точка, я
вижу, тамъ въ бѣломъ?

Громко! громко! громко!

Громко тебя я зову, любовь моя.

Звонко и четко я устремляю мой го-
лосъ впередъ надъ волнами,

О, конечно должна ты узнать, кто здѣсь,
кто здѣсь,

Ты должна знать, кто я, любовь моя.

Низко нависла луна!

Что тамъ за смутная точка въ темной
твоей желтизнѣ?

О, это обликъ, обликъ подруги моей!

О, луна не держи ее больше, не отни-
май у меня.

Земля! земля! о, земля!
Куда бы я путь ни направилъ, о, я думаю,
ты мнѣ могла бы отдать назадъ подругу мою,
если бы только ты захотѣла,
Потому что почти я увѣренъ, что смутно
я вижу ее, куда бѣ ни взглянулъ.
О, встающія звѣзды!
Быть можетъ, та, кого мнѣ такъ нужно,
встанетъ однажды, встанетъ съ одной изъ васъ.

О, горло! Дрожащее горло!
Яснѣ звени черезъ воздухъ!
Землю пронзай и лѣса,
Гдѣ-нибудь слушаетъ, слушаетъ, чтобы
услышать тебя, та, кого мнѣ такъ нужно.
Выбрасывай пѣсни!
Здѣсь одинокія, пѣсни ночныя!
Пѣсни любви одинокой! пѣніе смерти!
Пѣсни подъ этой замедлившей желтой
ущербной луной!
О, подъ этой луной, гдѣ она наклоняется,
падаетъ въ самое море!
О, безразсудныя пѣсни, звуки отчаянья!
Но тише! тихонько, постой!
Я буду чуть слышно вздыхать,
И ты многошумное хриплое море, по-
медли минутку,
Мнѣ кажется, гдѣ-то я слышалъ, мнѣ
подруга моя отвѣчаетъ,

Такъ слабо, я буду тихонько, я буду
тихонько внимать,
Но не умолкну совсѣмъ, а то она сразу
не будетъ знать, куда придти
ко мнѣ.

Сюда, любовь моя!

Здѣсь я! здѣсь!

Этимъ сдержаннымъ звукомъ о себѣ я
тебѣ возвѣщаю.

Этотъ нѣжный призывъ для тебя, для
тебя, любовь моя.

Пусть тебя никуда не заманятъ,

Вотъ это — свистъ вѣтра, это голосъ не
мой,

Вотъ это — порханье, порханіе пѣны,

Вотъ это — тѣни листвы.

О, тьма! О, напрасно!

О, я истомился въ конецъ и скорблю.

О, смутный кругъ въ небесахъ возлѣ
луны, упадающій внизъ на море!

О, отраженье смущенное въ морѣ!

О, горло! О, трепетное сердце!

Я пою бесплодно, бесплодно всю ночь,

О, прошлое! О, счастливая жизнь! О
пѣсни восторга!

Въ воздухѣ, въ чащѣ лѣсной, на поляхъ,

Любимый! любимый! любимый! любимый!
любимый!

Но подруги моей больше нѣтъ, больше
нѣтъ со мной.

Мы оба больше не вмѣстѣ.

Арія падаетъ,

Все другое по прежнему длится, звѣзды сіяютъ,
Вѣтры вздыхаютъ и вѣютъ, непрерывно зву-
чатъ, какъ клики и отклики, звуки
птичьяго голоса,

Съ сердитою жалобой гнѣвная старая мать
ворчитъ и все жалуется,

На пескахъ Помэнока, сѣдая, шуршитъ на
прибрежьи,

Желтый обликъ луны, половинный, — возросшій,
изогнутый, упавая, почти ужъ касается
облика моря,

Мальчикъ, объятый экстазомъ, волны играютъ
ногами босыми его, волосами вѣтры
играютъ.

Любовь взаперти была въ сердцѣ такъ долго,
теперь наконецъ на свободѣ, безум-
ствуетъ, вырвалась,

Значеніе пѣсни, слухъ, душу, быстро являетъ,
Странная слезы бѣгутъ по щекамъ,

Бесѣда, втроемъ, каждый рѣчь свою держитъ,
Нижній тонъ, мать древняя, дикая, плачетъ
безостановочно,

Приноровляясь угрюмо къ душѣ этой дѣтской,
въ шипѣньи ему повѣствуя немного
изъ тайнъ потонувшихъ,

Ихъ слушаетъ онъ, начинающій бардъ.

Демонъ иль птица! (сказала душа ребенка),
Вправду ли это къ подругѣ своей ты поешь?
или воистину это ко мнѣ?

Ибо я, что мальчикомъ былъ, съ рѣчью, дремотой
объятою, нынѣ услышалъ тебя,

Въ мигъ единый, теперь я узналъ, что я такое,
я пробудился

И ужь тысячи звонкихъ пѣвцовъ, тысячи пѣсень,
громче, звончѣй, чѣмъ твои, и печаль-
нѣе,

Тысячи откликовъ, звонко щебечущихъ, къ жизни
возникли во мнѣ, и вставъ, не умрутъ.

О, ты одинокій пѣвецъ, поющій самъ по себѣ,
меня какъ тѣнь означающій,

Одиноко внимающій тебѣ, никогда продолжать
я твой голосъ не перестану,

Ужь никогда не ускользну я, и отзвуки, отсвѣты,

Крики любви неутоленной никогда ужь не
будутъ мнѣ чужды,

Никогда ужь меня не оставятъ быть тѣмъ
мирнымъ ребенкомъ, какимъ я былъ
передъ этимъ въ ночи,

У моря подъ желтой изгибной луной,

Вѣстникъ тогда пробудился, огонь, сладостный
адъ внутри,

Потребность невѣдомая, мой удѣлъ.

О, дай мнѣ ключъ! (онъ гдѣ-то таится вотъ
здѣсь въ ночи),

Если столько дано мнѣ, дай мнѣ имѣть и больше.

Такъ слово! ибо я завоюю его!

Слово конечное, высшее слово изъ всѣхъ,

Утонченное, посланное — что это? — вотъ, я
слушаю;

Вы его шепчете, вы все время его шептали,
волны морскія?

Такъ это оно съ вашихъ влажныхъ краевъ и
песковъ омоченныхъ?

На это отвѣтствуя, море,

Безъ промедленій, безъ торопливости,
Мнѣ шепнуло сквозь ночь, и явственно передъ
разсвѣтомъ,
Пролепетало мнѣ тихое слово, плѣнительное-
смерть,
И снова смерть, смерть, смерть, смерть,
Съ мелодическимъ свистомъ, не такъ, какъ
птица, и не такъ, какъ сердце мое,
пробужденное сердце ребенка,
Но, придвигаясь каймой и какъ будто бы именно
мнѣ шелестя у ногъ моихъ,
Вползая оттуда упорно до слуха внимающаго
и мягко меня всего оmyвая,
Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть.
Чего не забуду я, —
Но вотъ сливаю пѣсню моего смутнаго демона
брата,
Которую мнѣ онъ пропѣлъ въ лунномъ свѣтѣ
на прибрежьи сѣдомъ Помэнока,
Съ тысячью пѣсенъ отвѣтныхъ, взятыхъ мной
наудачу,
Собственныхъ пѣсенъ моихъ, пробужденныхъ
отъ этого часа,
И съ ними ключъ, слово изъ волнъ,
Слово нѣжнѣйшей пѣсни и всѣ пѣснопѣнья,
Это плѣнительно-сильное слово, которое, къ
ногамъ моимъ подползая,
(Или какъ нѣкая старая нянька, что колыбель
качаетъ, всю въ свивальникахъ нѣж-
ныхъ, ее къ сторонѣ отклоняя),
Нашептало мнѣ море.

Слезы

Слезы! слезы! слезы!
Въ одиночествѣ, ночью, слезы,
Что, капля за каплей, на берегъ съдой, текутъ,
ихъ впиваетъ песокъ,
Слезы, слезы, нѣтъ ни звѣзды, все пустынно
и всюду темно,
Влажные слезы изъ глазъ, на закутанномъ
чьемъ-то лицѣ.
О, кто этотъ призракъ? тотъ духъ, въ темнотѣ
и въ слезахъ?
Какъ обрубокъ безформенный, онъ согнулся,
сидитъ на пескѣ?
И слезы, и вздохи, и муки, онъ задохся отъ
криковъ безумныхъ;
О, буря, она собралась, возросла, и несется, и
мчится по отлогому берегу, вдаль!
О, дикая буря ночная, зловѣщая буря, съ вѣ-
трами — въ ней отчаянье, въ ней
изверженье!
О, тѣнь, какъ степенна она, какъ пристойна
при свѣтѣ дневномъ, съ спокойнымъ
лицомъ и съ размѣреннымъ шагомъ,
Но прочь уходящая ночью, поспѣшно, не видитъ
никто, —
Тогда разрѣшенъ океанъ
Слезъ! слезъ! слезъ!

Прощай, моя Мечта

Прощай, моя Мечта!
Подруга милая, умершая любовь!
Я ухожу, куда — не знаю.
Не знаю чѣмъ въ пути я встрѣчу,
И встрѣтимся ль когда съ тобою снова,
Итакъ прощай, моя Мечта!
Теперь въ послѣдній разъ — на мигъ дай
оглянуться;
Слабѣе тиканье часовъ внутри меня,
Слабѣе, тише,
Конецъ, исходъ, и нисхожденье ночи,
И скоро сердце остановится совсѣмъ.
Мы долго жили, радовались вмѣстѣ, —
Плѣнительно! — ласкали мы другъ друга,
Пришелъ разлуки часъ — прощай, моя Мечта!
Но не давай мнѣ слишкомъ быть поспѣшнымъ.
Воистину мы долго жили, спали,
Переливались, и совсѣмъ смѣшались
Въ одно;
Такъ если мы умремъ, умремъ мы вмѣстѣ,
(Да, мы останемся какъ нѣчто, что одно),
Коль мы куда-нибудь пойдѣмъ,
Пойдемъ мы вмѣстѣ, чтобы встрѣтить, что
случится,
Быть можетъ, лучше будемъ мы и веселѣе,
Научимся чему-нибудь,

Быть можеть, это ты теперь меня
Ведешь
(Кто знаетъ?) къ пѣснямъ настоящимъ,
Быть можеть, это ты теперь
Вращаешь смертный узелъ, разрѣшаешь, —
Итакъ, въ послѣдній разъ,
Прощай же — и привѣтъ тебѣ сердечный,
Моя Мечта!

Слезы

О, слезы, слезы, что въ васъ, я не знаю,
Изъ глубины какой-то высшей боли
Вы къ сердцу подступаете, къ глазамъ,
Глядящимъ на желтѣющія нивы,
На призракъ дней, которыхъ больше нѣтъ.

Вы свѣжи, словно первый лучъ, что глянулъ
На корабль, любимыхъ намъ вернувшемъ,
Вы грустны, какъ послѣдній лучъ, вдали,
На корабль, увлекшемъ наше счастье,
Такъ грустны дни, которыхъ больше нѣтъ.

О, странно-грустны, какъ въ разсвѣтѣ лѣтнемъ
Крикъ сонныхъ птицъ, сквозь сонъ поющихъ
пѣсню

Для гаснущаго слуха, въ часъ, когда
Горитъ окно для гаснущаго взора,
Такъ странны дни, которыхъ больше нѣтъ.

Желанные, какъ сладость поцѣлуевъ,
Какъ сладость ласкъ, что мыслимъ мы съ тоскою
На чуждыхъ намъ устахъ, — и какъ любовь,
Какъ первая любовь, безумны, страстны,
Смерть въ жизни, дни, которыхъ больше нѣтъ.

Кракенъ

Внизу, подъ громомъ верхней глубины,
Тамъ, далеко, подъ пропастями моря,
Издревле, чуждымъ сновъ, безбурнымъ сномъ
Спитъ Кракенъ: Еле зримыя сіянья
Скользятъ вокругъ тѣневыхъ его боковъ;
Надъ нимъ растутъ огромнѣйшія губки
Тысячелѣтней грозной вышины;
И далеко кругомъ, въ мерцаньи тускломъ,
Изъ гротовъ изумительныхъ, изъ тьмы
Разбросанныхъ повсюду тайныхъ келій
Чудовища-полипы, безъ числа,
Гигантскими руками навѣвають
Зеленый цвѣтъ дремотствующихъ водъ.
Тамъ онъ вѣка покоился, и будетъ
Онъ тамъ лежать, питаяся во снѣ
Громадными червями океана,
Пока огонь послѣдній бездны моря
Не раскалитъ дыханьемъ, и тогда,
Чтобъ человѣкъ и ангелы однажды
Увидѣли его, онъ съ громкимъ воплемъ
Всплыветъ, и на поверхности умретъ.

Странствія Мальдуна

1

Я былъ предводителемъ рода — онъ убилъ моего
отца,
Я созвалъ товарищей вѣрныхъ — и поклялся
мстить до конца,
И каждый царемъ былъ по виду, и былъ благо-
родень и смѣль,
И древностью рода гордился, и пѣсни геройскія
пѣлъ,
И въ битвѣ безтрепетно бился, на бѣды взирая
свѣтло,
И каждый скорѣе бы умеръ, чѣмъ сдѣлалъ кому-
нибудь зло.
Онъ жилъ на островѣ дальнемъ, и въ морѣ мы
чуяли слѣдъ: —
Убилъ онъ отца моего, передъ тѣмъ какъ
увидѣлъ я свѣтъ.

2

И мы увидали тотъ островъ, и онъ у прибоя
стоялъ.
Но съ вихремъ въ безбрежное море насъ валъ
разъяренный умчалъ,

3

Мы приплыли на Островъ Молчанья, гдѣ былъ
берегъ и тихъ, и высокъ,
Гдѣ прибой океана безмолвно упадалъ на без-
молвный песокъ,
Гдѣ беззвучно ключи золотились, и съ угрюмыхъ
скалистыхъ громадъ
Какъ застывшій въ порывѣ широко, изли-
вался нѣмой водопадъ.
И, нетронуты бурей, виднѣлись кипарисовъ не-
движныхъ черты,
И сосна отъ скалы устремлялась, уходя за
предѣлъ высоты,
И высоко на небѣ, высоко, позабывши о пѣснѣ
своей,
Замечтавшійся жавронокъ рѣялъ межъ лазур-
ныхъ бездонныхъ зыбей,
И собака не смѣла залаять, и медлительный
быкъ не мычалъ,
И пѣтухъ повторительнымъ крикомъ зарожденье
зари не встрѣчалъ,
И мы все обошли, и ни вздоха отъ земли не
умчалось въ твердь,
И все было, какъ жизнь, лучезарно, и все было
спокойно, какъ смерть.
И мы прокляли Островъ прекрасный, и мы про-
кляли свѣтлую тишь:—
Мы кричали, но намъ показалось — то кричала
летучая мышь,
Такъ былъ тонокъ нашъ голосъ безсильный,
такъ былъ слабъ нашъ обманчивый зовъ,
И бойцы, что властительнымъ крикомъ подни-
мали дружины бойцовъ,

Заставляя на тысячи копій устремляться, о
 смерти забывъ,
 И они, и они онѣмѣли, позабыли могучій при-
 зывъ,
 И, проникшись взаимной враждою, другъ на
 друга не смѣли взглянуть.
 Мы покинули Островъ Молчанья, и направили
 дальше свой путь.

4

Мы приблизились къ Острову Криковъ, мы
 вступили на землю, и вмигъ
 Человѣческимъ голосомъ птицы надъ утесами
 подняли крикъ.
 Каждый часъ лишь по разу кричали, и какъ
 только раскатъ замолкалъ,
 Умидали колосья на нивахъ, какъ подстрѣ-
 ленный, быкъ упадалъ,
 Бездыханными падали люди, на стадахъ высту-
 пала чума,
 И въ очагъ опускалася крыша, и въ огнѣ исче-
 зали дома.
 И въ сердцахъ у бойцовъ эти крики отозвались,
 зажглись, какъ огни,
 И протяжно они закричали, и пустилися въ
 схватку они,
 Но я рознялъ бойцовъ ослѣпленныхъ, устре-
 млявшихся грудью на грудь,
 И мы птицамъ оставили трупы, и направили
 дальше свой путь.

5

Мы приплыли на Островъ Цвѣтовъ, ихъ дыха-
 ньемъ дышала волна,

амъ всегда благовонное Лѣто, и всегда молодая Весна.
Ломонось голубѣль на утесахъ, страстоцвѣтъ
заплетался въ вѣнокъ,
Мириадами вѣнчиковъ нѣжныхъ и мерцаль, и
звѣздился вьюнокъ.
Вмѣсто снѣга покровы изъ лилій покрывали
покатости горъ,
Вмѣсто глетчеровъ глыбы изъ лилій уходили
въ багряный просторъ,
Между огненныхъ маковъ, тюльпановъ, миллио-
новъ пурпурныхъ цвѣтовъ,
Между терна и розъ, возникавшихъ изъ кустовъ
безъ шиповъ и листовъ.
И уклонъ искрометныхъ утесовъ, какъ потокъ
драгоценныхъ камней,
Протянувшись отъ моря до неба, весь игралъ
переливомъ огней,
Мы блуждали по мысамъ шафрана, и смотрѣли,
какъ островъ блеститъ,
Возлежали на ложахъ изъ лилій, и гласили, что
Финнъ побѣдитъ.
И засыпаны были мы пылью, золотистою пылью
цвѣтовъ,
И томились мы жгучею жаждой, и напрасно
искали плодовъ,
Все цвѣты и цвѣты за цвѣтами, все блистають
цвѣты пеленой,
И мы проклинали Островъ цвѣтущій, какъ мы
проклинали островъ нѣмой.
И мы рвали цвѣты, и топтали, и не въ силахъ мы
были вздохнуть,
И оставили голыя скалы, и направили дальше
свой путь.

6

Мы приплыли на Островъ Плодовъ, и плоды золоти-
тились, горя,
Безконечные сочные гроздья отливались огнемъ
янтаря,
Точно солнце, желтѣлася дыня на разсыпчатомъ
красномъ пескѣ,
И съ отлогаго берега смоква поднималась,
блестя вдалекѣ,
И гора, какъ престоль, возносилась, и роняла
оттѣнки въ заливъ,
Отъ мерцанія грушъ золотистыхъ, отъ сверканія
рдѣющихъ сливъ,
И лоза вокругъ лозы извивалась, вызрѣвающихъ
ягодъ полна,
Но въ плодахъ ароматныхъ скрывалась ядовитая
радость вина.
И вершина утеса, изъ яблокъ, величайшихъ изъ
всѣхъ на землѣ,
Разросталась безъ листьевъ зеленыхъ, и тонула
въ сверкающей мглѣ,
И краснѣлася нѣжнѣй, чѣмъ здоровье, и румя-
нилась ярче стыда,
И Заря багрянецъ лучезарный не могла пре-
взойти никогда.
Мы три дня упивались плодами, и безумье нахлы-
нуло сномъ,
И друзья за мечи ухватились, и рубились въ
безумьи слѣпомъ,
Но плоды я вкушалъ осторожно, и, чтобъ разумъ
ослѣпшимъ вернуть,
Я сказалъ имъ о мести забытой, — мы направили
дальше свой путь.

7

Мы приплыли на Островъ Огня, онъ манилъ насъ,
блистая въ водѣ,
Онъ вздымался на цѣлую милю, устремляясь къ
Полярной звѣздѣ.
И едва на ногахъ мы стояли, созерцая огонь
голубой,
Потому что весь островъ качался, какъ объятый
предсмертной борьбой,
И безумны мы были отъ яда золотыхъ ядови-
тыхъ плодовъ,
И, боясь, что мы бросимся въ пламя, натянули
мы сѣть парусовъ,
И уплыли скорѣе подальше, и сокрылась отъ
взоровъ земля,
Мы увидѣли островъ подводный, подъ водою —
свѣтлѣй хрусталя,
И глядѣли мы внизъ, и дивились, что за Рай тамъ
блаженный блисталъ,
Тамъ стояли старинныя башни, тамъ вздымался
безмолвный порталъ
Безмятежныхъ дворцовъ, — какъ видѣнья, какъ
поля невозбраннаго сна.
И для сердца была такъ призывна голубая, какъ
твердь, глубина,
Что изъ лучшихъ воителей трое поспѣшили
скорѣй утонуть, —
Глубь задернулась быстрою зыбью, мы напра-
вили дальше свой путь.

8

Мы прибыли на Островъ Щедротъ, небеса были
низки надъ нимъ,

И съ разсвѣтомъ лучистыя длани облака раз-
двигали, какъ дымъ,

И для каждаго падала пища, чтобъ онъ могъ не
работать весь день,

До того, какъ на Западѣ встанетъ золотая ве-
черняя тѣнь.

Еще не былъ нашъ духъ безпокойный такъ
плѣнительно-ласковъ и тихъ,

И мы пѣли о Финнѣ могучемъ, и о древности
предковъ своихъ.

Мы сидѣли, покоясь и нѣжась, у истока пѣву-
чихъ ключей,

И мы пѣли звучнѣе, чѣмъ барды, о судьбѣ
легендарныхъ царей.

Но потомъ утомились мы нѣгой, и вздыхали, и
стали роптать,

И мы проклиjali Островъ Блаженный, гдѣ могли
безъ помѣхи мечтать,

И мы проклиjali Островъ Зеленый, потому что
онъ нашъ былъ вездѣ,

Потому что врага не могли мы — не могли оты-
скать мы нигдѣ.

И мы въ шутку швыряли каменя, мы какъ-
будто играли въ шары,

Мы играть захотѣли въ сраженье, захотѣли
опасной игры,

Потому что кипучія страсти намъ томили мятеж-
ную грудь,

И, насытившись дикой рѣзней, мы направили
дальше свой путь.

9

Мы приплыли на Островъ Колдуній, и пѣвучій
услышали зовъ —

«О, придите, придите, придите!» прозвучало надъ
зыбью валовъ,
И огнистыя тѣни дрожали, отъ небесъ упадая
къ землѣ,
И нагая, какъ небо, колдунья возставала на
каждой скалѣ,
И толпы ихъ бѣлѣли на взморьѣ, словно чайки
надъ пѣной валовъ,
И толпы ихъ рѣзвились, плясали на обломкахъ
погибшихъ судовъ,
И толпы ихъ бросались въ волны освѣжить
бѣлоснѣжную грудь,
Но я зналъ, въ чемъ опасность, и дальше по-
скорѣй мы направили путь.

10

И въ недоброе время достигли мы до Острова
Башенъ Двойныхъ,
Изъ камней полированныхъ башня, и предъ ней
изъ цвѣтовъ вырѣзныхъ,
Возносилися обѣ высоко, но дрожали пещеры
внизу,
Ударялися башни, звенѣли, и гремѣли, какъ
небо въ грозу,
И гудѣли призывнымъ набатомъ, точно яро-
стный возгласъ громовъ,
И раскаты проникли до сердца разгорѣвшихся
гнѣвомъ бойцовъ,
И за башню камней разноцвѣтныхъ, и за башню
цвѣтовъ вырѣзныхъ
Межь бойцами рѣзня раразилась, — и на
Островѣ Башенъ Двойныхъ
Вплоть до вечера буря Господня лишь смолкала
затѣмъ, чтобъ сверкнуть,

И оставивши много убитыхъ, мы направили
дальше свой путь.

11

Мы приплыли на Островъ Святого, что когда-то
съ Брэнданомъ уплылъ,
Онъ на островѣ жилъ неотлучно, и ужъ старцемъ-
святителемъ былъ.
Еле слышенъ былъ голосъ святого, словно го-
лосъ далекихъ міровъ,
И къ ногамъ борода упадала бѣлизною нагор-
ныхъ снѣговъ.
Онъ сказалъ мнѣ: «Ты злое задумалъ. О, Маль-
дунъ, ты живешь какъ во снѣ,
Ты забылъ, что сказалъ намъ Всевышній, —
Онъ сказалъ намъ: «Отмщеніе — Мнѣ».
Умерщвленъ былъ твой прадѣдъ, отмщенъ былъ,
и за кровь пролита была кровь,
И убійство смѣнялось убійствомъ, и убійство
свершалось вновь.
О, доколѣ все это продлится? Нѣтъ конца помы-
шленіямъ злымъ.
Возвращайся же къ острову Финна, пусть Былое
пребудетъ Былымъ».
И края бороды бѣлоснѣжной мы лобзали,
вздыхнувъ отъ борьбы,
Мы молились, услыша, какъ старецъ возсылалъ
предъ Всевышнимъ мольбы,
И смирилъ насъ преклонный Святитель, и главу
опустилъ онъ на грудь,
Мы печально корабль снарядили, и направили
дальше свой путь.

12

И мы вновь увидали тотъ Островъ, и убійца на
взморьѣ стоялъ,

Но мы мимо проплыли безмолвно, хоть на
островъ насъ валь увлекалъ.

О, усталъ я, усталъ отъ скитаній, отъ волненій,
борьбы, и грѣховъ,

И приблизился къ Острову Финна только съ
горстью угрюмыхъ бойцовъ.

Вкушающіе лотосъ

«Смѣлѣй!» воскликнулъ онъ. «Вонъ тамъ, въ
туманной дали,

«Причалимъ мы къ землѣ». Чуть пѣнилась вода.
И въ сумерки они къ чужой странѣ пристали,
Гдѣ сумеречный часъ какъ будто былъ всегда.
Въ тревожно-чуткихъ снахъ дышала гладь мор-
ская,

Вздымался кругъ луны надъ сумракомъ долинъ.
И точно блѣдный дымъ, потокъ, съ высотъ
сбѣгая,

Какъ-будто замедлялъ свой путь, изнемогая,
И падалъ по скаламъ, и медлилъ межъ тѣснинъ.

О, тихій край ручьевъ! Какъ блѣдный дымъ,
иные

Скользили медленно по зелени луговъ,
Иные падали сквозь тѣни кружевные,
Роняя дремлющій и пѣнистый покровъ.
Огнистая рѣка струила волны въ море
Изъ глубины страны; а между облаковъ,
Три мертвыя горы, въ серебряномъ уборѣ,
Хранили слѣдъ зари, и сосны на просторѣ
Видѣньями росли, среди нѣмыхъ снѣговъ.

На Западѣ Закатъ, навѣкъ замороженный,
Горя, не погасалъ; и сквозь провалы горъ

Виднѣлась глубь страны, песками окаймленной,
Лѣса изъ пышныхъ пальмъ сплеталися въ узоръ,
Долины и луга, въ сверканьи блѣдной влаги,
Страна, гдѣ перемѣнъ какъ-будто нѣтъ и нѣтъ.
И, блѣднолицыя, какъ тѣни древней саги,
Толпой у корабля сошлись Лотофаги,
Въ ихъ взорахъ трепеталь вечерній скорбный
свѣтъ.

Душистые плоды волшебнаго растенья
Они давали всѣмъ, какъ призраки глядя,
И каждый, кто вкушалъ, внималъ во мглѣ
забвенья,

Какъ ропоть волнъ стихалъ, далеко уходя;
Сердца, въ сознаньи всѣхъ, какъ струны тре-
петали,

И, если кто изъ насъ другъ съ другомъ говорилъ,
Невнятные слова для слуха пропадали,
Какъ-будто чуть звеня во мглѣ безбрежной дали,
Какъ-будто приходя изъ сумрака могиль.

И каждый, хоть не спалъ, но былъ въ дремотѣ
странной,

Межъ солнцемъ и луной, на взморьѣ, у зыбей,
И каждый видѣлъ сонъ о Родинѣ туманной,
О дѣтяхъ, о женѣ, любви, — но все скучнѣй
Казался видъ весла, все большей тьмой объята
Казалась пѣна волнъ, вливающаяся свѣтъ,
И вотъ одинъ сказалъ: «Намъ больше нѣтъ
возврата!»

И вдругъ запѣли всѣ: «Скитались мы когда-то.
Нашъ край родной далекъ! Для насъ возврата
нѣтъ!»

1

Есть музыка, чей вздохъ нѣжнѣе упадаетъ,
 Чѣмъ лепестки отцвѣтшихъ розъ,
 Нѣжнѣе, чѣмъ роса, когда она блистаетъ,
 Роняя слезы на утесъ;
 Нѣжнѣй, чѣмъ падаетъ на землю свѣтъ зарницы,
 Когда за моремъ спитъ гроза,
 Нѣжнѣй, чѣмъ падаютъ усталыя рѣсницы
 На утомленные глаза;
 Есть музыка, чей вздохъ какъ сладкая дремота,
 Что сходитъ съ неба въ тихій часъ,
 Есть мшистая постель, гдѣ крѣпко спитъ забота
 И гдѣ никто не будитъ насъ;
 Тамъ дышетъ гладь рѣки въ согрѣтомъ полумракѣ,
 Цвѣты баюкаетъ волна,
 И съ выступовъ глядя, къ землѣ склонились маки,
 Въ объятыхъ нѣжащаго сна.

2

Зачѣмъ душа болитъ, чужда отдохновенья,
 Неразлучимая съ тоской,
 Межь тѣмъ какъ для всего нисходитъ мигъ
 забвенья,
 Всему даруется покой?
 Зачѣмъ одни лишь мы въ пучинѣ горя тонемъ,
 Одни лишь мы, вѣнецъ всего,
 Изъ тьмы идя во тьму, зачѣмъ такъ скорбно
 стонемъ,
 Въ терзаньи сердца своего?
 И вѣчно и всегда трепещутъ наши крылья,
 И нѣтъ скитаніямъ конца,
 И духъ цѣлебныхъ сновъ не сгонитъ тѣнь
 усилья

Съ печально-блѣднаго лица?
И чужды намъ слова чуть слышнаго завѣта: —
«Въ одномъ покоѣ торжество».
Зачѣмъ же только мы томимся безъ привѣта,
Одни лишь мы, вѣнецъ всего?

3

Вонъ тамъ, въ глуши лѣсной, на вѣтку вѣтеръ
дышетъ,
Изъ почки вышелъ нѣжный листъ,
И вѣтеръ, проносясь, едва его колышетъ,
И онъ прозраченъ и душистъ.
Подъ солнцемъ онъ горитъ игрою позолоты,
Росой мерцаетъ подъ луной,
Желтѣетъ, падаетъ, не вѣдая заботы,
И спитъ, объятый тишиной.
Вонъ тамъ, согрѣтъ огнемъ любви, тепла и
свѣта,
Ростетъ медовый сочный плодъ,
Созрѣетъ, и съ концомъ зиждительнаго лѣта
На землю мирно упадетъ.
Всему есть мѣра дней; взлелѣянный весною,
Цвѣтокъ не вѣдаетъ труда,
Онъ вянетъ, онъ цвѣтетъ, съ землей своей родною
Не разлучаясь никогда.

4

Враждебенъ небосводъ, холодный, темносиній,
Надъ темносинею волной,
И смерть предѣль всего, и мы идемъ пустыней,
Живя тревогою земной.
Что можетъ длиться здѣсь? Едва пройдетъ
мгновенье,

Слѣдить, какъ ластится волна въ лазурной дали,
Курчавясь пѣной и огнемъ.
И видѣть въ памяти утраченныя лица,
Какъ сонъ, какъ образъ неживой,
Навѣкъ поблекшя, какъ стертая гробница,
Полузаросшая травой.

6

Намъ память дорога о нашей брачной жизни,
О нѣжной ласкѣ нашихъ женъ;
Но все мѣняется, и нашъ очагъ въ отчизнѣ
Холоднымъ прахомъ занесенъ.
Тамъ есть наслѣдники; и наши взоры странны;
Мы потревожили бы всѣхъ,
Какъ привидѣнія, мы не были бѣ желанны
Среди пировъ, гдѣ дышетъ смѣхъ.
Быть можетъ, мы едва живемъ въ мечтѣ народа,
И вся Троянская война,
Всѣ громкія дѣла теперь лишь гимнъ рапсода,
Временъ ушедшихъ старина.
Тамъ смута, можетъ быть; но, если безразсудно
Забылъ народъ завѣтъ вѣковъ,
Пусть будетъ то, что есть: Умилостивить трудно
Всегда взыскательныхъ боговъ.
Другая смута есть, что хуже смерти черной, —
Тоска предъ новою борьбой;
До старости сѣдой — борьбу и трудъ упорный
Вездѣ встрѣчать передъ собой, —
Мученіе для тѣхъ, въ чьихъ помыслахъ туманно,
Кто видѣлъ вѣчную бѣду,
Чей взоръ полуослѣпъ, взирая неустанно
На путеводную звѣзду.

7

Но здѣсь, гдѣ амарантъ и моли пышнымъ цвѣ-
томъ

Вездѣ раскинулись кругомъ,
Гдѣ дышуть небеса лазурью и привѣтомъ
И вѣютъ легкимъ вѣтеркомъ,
Гдѣ искристый потокъ напѣвомъ колыбельнымъ
Звенить, съ пурпурныхъ горъ скользя,
Какъ сладко здѣсь вкушать въ покоѣ непре-
дѣльномъ

Восторгъ, что выразить нельзя.
Какъ нѣжны голоса, зовущіе оттуда,
Гдѣ шлетъ скала привѣтъ скалѣ,
Какъ нѣженъ цвѣтъ воды съ окраской изумруда,
Какъ мягко льнетъ акантъ къ землѣ,
Какъ сладко здѣсь дремать, покоясь подъ
сосною,

И видѣть, какъ просторъ морей
Уходитъ безъ конца широкой пеленою,
Играя свѣтомъ янтарей.

8

Здѣсь Лотось чуть дрожитъ при каждомъ пово-
ротѣ,

Здѣсь Лотось блещетъ межъ камней,
И вѣтеръ цѣлый день, въ плѣнительной дремотѣ,
Поетъ нѣжнѣй и все нѣжнѣй.

И впадины пещеръ, и сонныя долины
Покрыты пылью золотой.

О, долго плыли мы, и волны-исполины
Грозили каждый мигъ бѣдой, —
Мы вѣдали труды, опасности, измѣну,
Когда средь стонущихъ громадъ

Чудовища морей выбрасывали пѣну,
Какъ многошумный водопадъ.
Клянemтесь же, друзья, изгнавъ изъ душъ
тревоги,
Пребыть въ прозрачной полумглѣ,
Покоясь на холмахъ, безстрастные, какъ боги,
Безъ темной думы о землѣ.
Тамъ гдѣ-то далеко подъ ними свищутъ стрѣлы,
Предъ ними нектаръ золотой,
Вкругъ нихъ вездѣ горятъ лучистые предѣлы,
И тучки рдѣютъ чередой.
Съ высотъ они глядятъ и видятъ возмущенье,
Толпу въ мучительной борьбѣ,
Пожары городовъ, чуму, землетрясенье,
И руки, сжатая въ молебѣ.
Но въ пѣснѣ горестной имъ слышенъ строй
напѣва
Иной, что горести лишень,
Какъ сказка, полная рыданія и гнѣва,
Но только сказка, только сонъ.
Людьми воспѣтые, они съ высотъ взираютъ,
Какъ люди быются на землѣ,
Какъ жатву скудную съ полей они собираютъ
И послѣ тонуть въ смертной мглѣ.
Иные, говорятъ, для горечи безсмѣнной
Нисходятъ въ грозный черный адъ,
Иные держатъ путь въ Элизіумъ блаженный
И тамъ на златоокахъ спятъ.
О, лучше, лучше спать, чѣмъ плыть во тьмѣ
безбрежной,
И снова плыть для новыхъ бѣдъ.
Покойтесь же, друзья, въ отрадѣ безмятежной,
Предъ нами странствій больше нѣтъ.

Волшебница Шалоть

Часть 1-ая

По обѣ стороны рѣки
Во ржи синѣютъ васильки,
Поля безбрежно-далеки,
Ведутъ въ зубчатый Камелоть.
Мелькаетъ тѣнь и тамъ, и тутъ,
И вдаль прохожіе идутъ,
Глядя, какъ лиліи цвѣтутъ
Вкругъ острова Шалоть.

Осина тонкая дрожить,
И вѣтеръ волны сторожить,
Рѣка отъ острова бѣжитъ,
Идя по склону въ Камелоть.
Четыре сѣрыя стѣны,
И башни, память старины,
Вздываясь, видятъ съ вышины
Волшебницу Шалоть.

Сѣдѣютъ ивы надъ водой,
Проходятъ баржи чередой,
Челнокъ, тропою золотой,
Скользя, промчится въ Камелоть.
Но съ кѣмъ бесѣдуетъ она?
Быть можетъ, грезить у окна?
Быть можетъ, знаетъ вся страна
Волшебницу Шалоть?

Одни жнецы, съ разсвѣтомъ дня,
На полѣ желтомъ ячменя,
Внимаютъ пѣснѣ, что, звеня,
 Съ рѣкой уходитъ въ Камелотъ;
И жнецъ усталый, при лунѣ,
Снопы вздымая къ вышинѣ,
Тихонько шепчетъ, какъ во снѣ: —
 «Волшебница Шалотъ!»

Часть 2-ая

Предъ нею ткань горитъ, сквозя,
Она прядетъ, рукой скользя,
Остановиться ей пельзя,
 Чтобъ глянуть внизъ на Камелотъ.
Проклятье ждетъ ее тогда,
Грозитъ безвѣстная бѣда,
И вотъ она прядетъ всегда,
 Волшебница Шалотъ.

Лишь видить въ зеркало она
Видѣнья міра, тѣни сна,
Всегда живая пелена
 Уходитъ быстро въ Камелотъ.
Свѣтло-вспѣненная рѣка,
И темный образъ мужика,
И цвѣтъ мелькнувшаго платка
 Проходятъ предъ Шалотъ.

И каждый мигъ живетъ тропа,
Смѣется дѣвушекъ толпа,
И осликъ сельскаго попа
 Бредетъ въ зубчатый Камелотъ.

Порой, въ зеркальной глубинѣ,
Проскачетъ рыцарь на конѣ,
Ее не видитъ онъ во снѣ,
Волшебницу Шалоть.

Но все растетъ узоръ нѣмой,
И часто, въ тихій часъ ночной,
За колесницей гробовой
Толпа тянулась въ Камелоть.
Когда же, лунныхъ сновъ полна,
Чета влюбленныхъ шла, нѣжна,
«О, я отъ призраковъ — больна!»
Печалилась Шалоть.

Часть 3-ая

На выстрѣль лука, въ сторонѣ,
Зардѣлись латы, какъ въ огнѣ,
Скакаль въ доспѣхахъ, на конѣ,
Безстрашный рыцарь Ланчелоть.
Служиль онъ дамѣ-красотѣ,
Чье имя было на щитѣ,
Горѣвшемъ пышно, какъ въ мечтѣ,
Вдали-вблизѣ Шалоть.

Свободно бились поводѣ,
Алмазь горѣль въ нихъ, какъ звѣзда,
Играла звонкая узда,
Пока онъ ѣхаль въ Камелоть.
Блистая свѣтлая броня,
Могучій рогъ висѣль, звеня,
И бился по бокамъ коня,
Вдали-вблизѣ Шалоть.

Сѣдло въ огняхъ изъ серебра,
Герба лучистая игра,
И шлемъ, и яркій цвѣтъ пера,
Весь блескъ уходитъ въ Камелоть.
Такъ бородатый метеоръ
Во тьмѣ ночей плететь узоръ,
Какъ въ этотъ мигъ сверкаль просторъ
Предъ стихнувшей Шалоть.

Какъ пышень былъ потокъ лучей.
Копыта били все звончѣй,
Свѣтились кудри горячѣй,
Пока онъ ѣхаль въ Камелоть.
Внимала пѣснѣ гладь рѣки,
Осинь и блѣдныхъ ивъ листки,
Внимали пѣснѣ васильки,
Пѣль рыцарь Ланчелоть.

Забыть станокъ, забыть узоръ,
Въ окно увидѣль жадный взоръ
Купавы, шлемъ, коня, просторъ,
Вдали зубчатый Камелоть.
Порвалась ткань съ игрой огня,
Разбилось зеркало, звеня,
«Бѣда! Проклятье ждетъ меня!»
Воскликнула Шалоть.

Часть 4-ая

Блѣднѣли желтые лѣса,
Въ рѣкѣ рыщали голоса,
Закрыла буря небеса,
Летя съ востока въ Камелоть.
Она сошла, какъ въ забытьи,
И начертала у струи

На свѣтломъ выступѣ ладья: —
Волшебница Шалоть.

Шумя, туманилась волна,
И, какъ провидецъ, въ блескѣ сна,
Взирала пристально она,
Глядя на дальній Камелоть.
И день померкнулъ вдалекѣ,
Она лежала въ челнокѣ,
И волны мчали по рѣкѣ
Волшебницу Шалоть.

Мерцало платье бѣлизной,
Какъ хлопья снѣга подъ луной,
Она плыла во тьмѣ ночной,
И уплывала въ Камелоть.
И пѣсню слышала волна,
И пѣсня та была грустна,
Въ послѣдній пѣла разъ она,
Волшебница Шалоть.

И смолкъ напѣвъ ея скорбей,
И вотъ ужъ кровь остыла въ ней,
И вотъ затмился взоръ очей,
Глядя на сонный Камелоть.
И прежде чѣмъ ладья, свѣтла,
До дома перваго дошла,
Со звукомъ пѣсни умерла
Волшебница Шалоть.

Въ виду альтановъ и садовъ,
И древнихъ башенъ и домовъ,
Она, какъ тѣнь, у береговъ,
Плыла безмолвно въ Камелоть.

И вотъ кругомъ, вблизи, вдали,
Толпами граждане пришли,
И на ладьѣ они прочли —
Волшебница Шалотъ.

Въ дворцѣ веселый смѣхъ погасъ,
«О, Господи, помилуй насъ!»
Молились всѣ, грѣха страшась,
И только рыцарь Ланчелотъ,
Подумавъ, молвилъ, не спѣша: —
«Лицомъ какъ ангелъ хороша,
«Да успокоится душа
«Волшебницы Шалотъ!»

Границы человечества

Когда престарѣлый
Святой нашъ Отецъ
Рукою небрежной
Изъ тучи грохочущей
Сѣетъ на землю
Палящія молніи,
Къ послѣднему краю
Одеждъ улетающихъ
Я льну, ихъ лобзаю,
Съ младенческимъ трепетомъ
Въ вѣрной груди.

Ибо съ богами
Не долженъ равняться
Никто изъ людей.
Когда жь дерзновенный
До неба воспрянетъ,
Головою коснется
Отдаленнѣйшихъ звѣздъ,
Не найдетъ онъ опоры
Для невѣрной стопы,
И начнетъ колебаться,
И тучи съ вѣтрами
Имъ будутъ играть.

Если жь стоитъ онъ
Стопою упорной,

Какъ на прочной твердынѣ,
На могучей землѣ,
Въ стремленіи къ небу
Онъ только сравнится
Съ виноградной лозою
Или съ дубомъ нѣмымъ.

Что отличаетъ
Людей отъ боговъ?
Предъ богами проходятъ
Многократныя волны,
Безконечный потокъ: —
Насъ волна поднимаетъ,
Насъ волна поглощаетъ,
И мы тонемъ въ волнѣ.

Узкою цѣпью
Вкругъ нашей жизни
Вьется кольцо.
Поколѣнья приходятъ,
Поколѣнья уходятъ,
Постепенно сплетаясь
Безконечною цѣпью
По кольцу Бытія.

Прометей

Отрывокъ

Закрой, Зевесъ, парами облаковъ
Твое разгнѣванное небо,
И забавляйся, какъ мальчишка,
Сбивающій головки у волчцовъ,
Громи дубы и горныя вершины,
Моя земля
Останется за мною,
И хижина, что создалъ я, не ты,
И мой очагъ,
Чей жгучій пламень
Въ тебѣ тревожитъ зависть.

Не знаю я подъ солнцемъ ничего
Ничтожнѣй васъ, боговъ!
Дыханіемъ молитвъ
И данью жертвъ
Свое величіе питаете вы скудно,
И умерли бы вы,
Когда бы нищіе и дѣти
Въ себѣ не тѣшили безсмысленныхъ надеждъ.

Когда я былъ ребенкомъ,
Когда кругомъ не видѣлъ ясно ничего,
Тогда въ безсиліи блуждающіе взоры
Я къ солнцу устремлялъ,

Какъ-будто тамъ вверху
Быль чей-то слухъ, чтобъ внять моимъ мольбамъ,
И чье-то сердце, какъ мое,
Дышало жалостью, тоскуя съ огорченнымъ.

Кто мнѣ помогъ
Въ борьбѣ съ надменностью титановъ?
Кто спасъ меня отъ смерти,
Спасъ отъ рабства?
Не ты-ли все само свершило,
Священнымъ пламенемъ пылающее сердце?
И благодарностью напрасной
Не ты-ли, юное, горѣло
Тому, кто дремлетъ въ небесахъ?

Мнѣ чтить тебя? За что?
Усладилъ-ли ты скорби
Утомленнаго?
Осушилъ-ли ты слезы
Огорченнаго?

И развѣ меня
Не создало мужемъ
Всесильное время
И Судьба довременная,
Мои и твои повелители?

Не мнилъ ли ты, что я
Возненавижу жизнь,
Бѣгу въ пустыни,
Увидя, что не всѣ исполнились надежды,
Не всѣ мечты цвѣтами расцвѣли?

Я здѣсь сижу,
Творю людей,
Подобныхъ мнѣ,
Я здѣсь творю иное поколѣнье,
Что будетъ плакать, и томиться,
И ликовать, и бурно наслаждаться,
И презирать тебя,
Какъ я!

* * *

Утромъ, вставъ, я вопрошаю: —
Встрѣчу ль ту, что мнѣ мила?
Грустнымъ вечеромъ вздыхаю: —
И сегодня не пришла.

Ночью долго, истомленный,
Я тоскую и не сплю,
Днемъ влюбленный, полусонный,
Все мечтаю, все люблю.

* * *

Въ волшебнo-свѣтлый мѣсяцъ май
Всѣ почки распускались,
И въ нѣжномъ сердцѣ у меня
Мечты любви рождались.

Въ волшебнo-свѣтлый мѣсяцъ май,
Когда всѣ птицы пѣли,
Я ей сказалъ, что я ее
Люблю на самомъ дѣлѣ.

* * *

Изъ моихъ скорбей великихъ
Пѣсни малыя сотку я,
Вотъ они на звонкихъ крыльяхъ
Въ сердце къ ней летятъ, ликуя.

Полетѣли, прилетѣли,
Возвратились, и скорбятъ,
Были въ сердцѣ, — что тамъ въ сердцѣ,
Разсказать мнѣ не хотятъ.

* * *

Твои бѣлыя лиліи-пальцы
Я хотѣлъ бы опять цѣловать,
И къ груди моей нѣжно прижать ихъ,
И тихонько, беззвучно рыдать.

Твои ясныя глазки-фіалки
Предо мною и ночью и днемъ,
И томлюсь я: Какая загадка
Въ этомъ ласковомъ снѣ голубомъ?

* * *

Когда разлучаются двое,
Жмутъ руки, съ печалью лица,
И плакать они начинаютъ,
Вздыхаютъ они безъ конца.

Не плакали мы, не вздыхали,
Когда разставаться пришлось,
Но послѣ, о, послѣ, какъ много
Узнали мы вздоховъ и слезъ.

* * *

На дальнемъ горизонтѣ,
Какъ дымно-свѣтлый ликъ,
Въ зарѣ вечерней, городъ
Межъ башнями возникъ.

Курчавить вѣтеръ влажный
Сѣдой воды стекло,
Съ размѣрностью печальной,
Впередъ, гребетъ весло.

Еще горитъ мнѣ солнце,
И лучъ послѣдній аль,
То мѣсто отмѣчая,
Гдѣ все я потерялъ.

* * *

Мы всѣ у рыбачьяго дома
Усѣлися шумной толпой.
Къ вечернему ясному небу
Туманъ поднимался морской.

Высокій маякъ засвѣтился,
Должно быть, огни тамъ зажгли.
Какъ призракъ туманный, предъ нами
Корабль показался вдали.

А мы говорили о бурѣ,
О томъ, какъ матросы живутъ,
То въ страхѣ, то съ пѣсней находятъ,
Межъ небомъ и моремъ пріютъ.

Какіе есть люди и нравы,
Какъ міръ безконечно широкъ,
Какъ полны загадокъ волшебныхъ
И Сѣверъ и дальній Востокъ.

У свѣтлаго, звонкаго Ганга
Деревья-гиганты цвѣтутъ,
Прекрасные, кроткіе люди
Предъ лотосомъ гимны поютъ.

Въ Лапландіи грязные люди
На корточкахъ важно сидятъ,

Варять себѣ рыбу, въ лачугахъ,
Варять, и кричать, и визжать.

Но вотъ наступило молчанье,
И каждый невольно вздохнулъ.
И дальній корабль одинокій
Въ туманѣ морскомъ потонулъ.

Король Гаральдъ Прекраснокудрый

Король Гаральдъ Прекраснокудрый
Сидитъ во мглѣ морскихъ глубинъ,
Съ нимъ фея водъ, она прекрасна;
И годъ идетъ за мглой годинъ.

Зафеенъ Никсой, зачарованъ,
Онъ не умретъ и не живетъ;
Ужъ цѣлыхъ двѣсти лѣтъ такъ длится,
То колдовство въ глубинахъ водъ.

Онъ голову склонилъ на лоно
Жены, чей нѣженъ блескъ лица,
Никакъ не можетъ наглядѣться,
Глядитъ на фею безъ конца.

Златыя кудри серебрятся,
И видны кости блѣдныхъ щекъ,
Онъ привидѣнье съ чахлымъ ликомъ,
Завядшій сломанный цвѣтокъ.

Нерѣдко изъ любовной грезы
Онъ вдругъ насильно пробужденъ,
Вѣдь тамъ вверху кипитъ теченье,
Хрустальный замокъ возмущенъ.

Нерѣдко слышитъ онъ — какъ будто
Норманны кличутъ, пѣнь слышна;

Онъ руку весело подыметъ,
Печально падаетъ она.

Нерѣдко даже хоръ матросовъ
Какъ-будто ясно слышитъ онъ,
Король Гаральдъ Прекраснокудрый
Въ геройской пѣснѣ вознесенъ.

Король рыдаетъ, плачетъ, стонетъ,
Всею мощью сердца, сжатой сномъ.
И фея водъ его проворно
Смѣющимся цѣлуетъ ртомъ.

* * *

На перекресткѣ зарываютъ
Самоубійць, — гдѣ крестъ дорогъ.
Цвѣтъ осужденныхъ тамъ восходитъ,
Дрожащій синенькій цвѣтокъ.

На перекресткѣ, тамъ стоялъ я,
Холодный мѣсяцъ чуть блисталь,
Подъ нимъ, во мракѣ, тихо, тихо,
Цвѣтъ осужденныхъ трепеталь.

* * *

Смерть это свѣтлая ночь,
Жизнь есть удушливый день.
Смерклось, мнѣ спится, усталъ я,
Ласкова тѣнь.

Вѣтви растутъ надо мной,
Пѣснь соловья въ вышинѣ.
Все про любовь онъ поетъ мнѣ, я слышу,
Даже во снѣ.

* * *

Что хочет слеза одинокая?
Она туманить мнѣ взглядъ.
Осталась изъ стараго времени,
Зоветь въ невозвратность, назадъ.

Сестеръ у ней было блистающихъ
Такъ много, — погасли лучи,
Растаяли съ болью и съ радостью,
Развѣялись въ вѣтрѣ, въ ночи.

Туманомъ и синія звѣздочки
Разрѣшили сіянье свое,
Что нѣжной улыбкой забросили
Боль и радости въ сердце мое.

Да что жь, и любовь вся растаяла,
Какъ призрачность праздной мечты.
Слеза одинокая, прежняя,
Развѣйся, растай ужь и ты.

* * *

Звѣзда сорвалась, упадаетъ,
Съ лучистой своей высоты.
Звѣзда любви упадаетъ,
Упала среди темноты.

Цвѣты съ апельсинныхъ деревьевъ
Спадають, измѣнчивый рой.
Приходятъ дразнящiе вѣтры,
И тѣшатся вольной игрой.

Лебедь поетъ надъ волнами,
И плаваетъ взадъ и впередъ,
Поетъ онъ все тише и тише,
И тонетъ въ могильности водъ.

Все тихо, такъ тихо и смутно.
Нѣтъ листьевъ съ цвѣтами, мертво,
Нѣтъ звѣзднаго лика, распался,
Нѣтъ лебеда съ пѣсней его.

* * *

Солнечный закатъ;
Черны облака,
Вѣтры прочь летять,
Душно, и тоска.

Молній огневыхъ
Борозды бѣгутъ;
Быстрый образъ ихъ
Озаряетъ прудъ.

Мнится, ты — со мной,
Въ четкости зарницъ,
Волосы — волной,
Взоры — взмахи птицъ.

* * *

На пруду, гдѣ тишь нѣмая,
Медлить мѣсяцъ мглой лучей,
Розы блѣдныя вплетая
Въ зелень стройныхъ камышей.

На холмѣ блуждаютъ лани,
Въ ночь глядятъ ихъ чуткій взглядъ;
Крылья вдругъ всплеснуть въ туманѣ,
Шевельнутся, замолчатъ.

Взоръ склонилъ я, въ немъ страданье,
Всей душевной глубиной —
О тебѣ мое мечтанье,
Какъ молитва въ часъ ночной.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Тамъ, на глухомъ лѣсномъ краю,
Волкъ воетъ; — мать ребенокъ молить,
И въ ночь кричитъ онъ, да позволить
Ему найти ѣду свою.

Ѣду кровавую. Несутся
Мятели, бѣшено свистятъ,
Согрѣться пляскою хотятъ: —
Всѣ вопли, сердце, пусть проснутся.

Твои да встанутъ мертвецы,
Печали темными ордами.
И съ челядью, рожденной льдами,
Да побѣгутъ во всѣ концы.

Къ печали

Въ жизни ты вездѣ со мною,
О, печаль, мечта-бѣда,
Я во мракѣ, я съ звѣздою,
Ты со мной, равно, всегда.

Ты меня уводишь въ горы,
Гдѣ орелъ — сторожевой,
Гдѣ еловые узоры,
Гдѣ гремучь потокъ лѣсной.

Тамъ, что умерло — живое,
Я взрыдаю какъ въ бреду,
И лицо свое ночное
Я на грудь твою кладу.

Тихая достовѣрность

Чу, какъ тихо въ темной рощѣ, ты и я,
Мы одни съ тобой, о, милая моя.

Прозвучалъ вдали, надъ зеленюю луговъ,
Колокольный, чуть дрожащій, тихій зовъ.

На цвѣткахъ, что преклонились предъ тобой,
Вѣтерокъ уснулъ, послѣдній вздохъ ночной.

Я скажу тебѣ — вѣдь я одинъ съ тобой —
Всею душой моею я твой, навѣки твой.

Прощальный взглядъ

Словно безбрежнаго счастья море,
Взглядъ твой глубокий и полный участя
Свѣтитъ мнѣ ярко. На трудъ и на горе
Я уѣзжаю. И все мое счастье —
Передъ разлукой, забывши ненастье,
Взоромъ обнять это свѣтлое море.

Балконъ

Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ,
Всѣ мои восторги! весь призывъ мечты!
Ты вспомнишь чары ласкъ и сновъ безбреж-
ныхъ,

Прелесть вечеровъ и кроткой темноты.
Мать воспоминаній, нѣжная изъ нѣжныхъ.

Вечера при свѣтѣ угля золотого,
Вечеръ на балконѣ, розоватый дымъ.
Нѣжность этой груди! существа родного!
Незабвенность словъ, чей смыслъ неистребимъ,
Въ вечера при свѣтѣ угля золотого.

Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.
Какъ глубоко небо! въ сердцѣ сколько струнъ!
О, царица нѣжныхъ, озаренный свѣтомъ,
Кровь твою вдыхалъ я, весь съ тобой и юнъ.
Какъ красиво солнце вечеромъ согрѣтымъ.

Ночь вокругъ сгущалась дымною стѣною,
Я во тьмѣ твои угадывалъ зрачки,
Пилъ твое дыханье, ты владѣла мною,
Ногъ твоихъ касался братскостью руки.
Ночь вокругъ сгущалась дымною стѣною.

Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый,
Прошрое я вижу возлѣ ногъ твоихъ.

Гдѣ жь искать я буду нѣги горделивой,
Какъ не въ этомъ тѣлѣ, въ чарахъ ласкъ твоихъ?
Знаю я искусство вызвать мигъ счастливый.

Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи,
Суждено-ль имъ встать изъ безднѣ, запретныхъ
намъ,
Какъ восходятъ солнца, скрывшись на ночь въ
струи,
Лицомъ освѣженнымъ вновь свѣтитъ морямъ?
— Эти благовонья, клятвы, поцѣлуи!

Красота

Стройна я, смертные, какъ греза изваянья,
И грудь, что каждаго убила въ часъ его,
Поэту знать даетъ любовь и съ ней терзанье,
Безгласно-вѣчное, какъ вѣчно вещество.

Въ лазури я царю какъ сфинксъ непостижимый;
Какъ лебедь блѣдная, какъ снѣгъ я холодна;
Недвижна Красота, черты здѣсь нерушимы;
Не плачу, не смѣюсь, мнѣ смѣна не нужна.

Поэты предъ моимъ побѣдно-гордымъ ликомъ
Всѣ дни свои сожгутъ въ алканіи великомъ,
Духъ изучающій пребудетъ вѣкъ смущень;

Есть у меня для нихъ, послушныхъ, обаянье,
Два чистыхъ зеркала, гдѣ міръ преображень: —
Глаза, мои глаза, бездонное сіянье.

Гигантша

Въ оны дни, какъ природа въ капризности думъ,
вдохновенно
Каждый день зачинала чудовищность мощныхъ
породъ,
Полобилъ бы я жить возлѣ юной гигантши без-
смѣнно,
Какъ у ногъ королевы ласкательно-вкрадчивый
котъ.

Я любилъ бы глядѣть, какъ съ душой ея плоть
расцвѣтаетъ,
И свободно ростеть въ ужасающихъ играхъ ея;
Заглянувъ, угадать, что за мрачное пламя
блистаетъ
Въ этихъ влажныхъ глазахъ, гдѣ, какъ дымка,
встаетъ забытье.

Пробѣгать на досугѣ всю пышность ея очертаній,
Проползать по уклону ея исполинскихъ колѣнъ,
А порой въ лѣтній зной, въ часъ, какъ
солнце дурманомъ дыханій

На равнину повергнетъ ее, точно взятую въ
плѣнъ,
Я въ тѣни ея пышныхъ грудей задремалъ бы,
мечтая,
Какъ у склона горы деревушка ютится глухая.

Пропасть

Паскаль носилъ въ душѣ водоворотъ безъ дна.
— Все пропасть алчная: Слова, мечты, желанья.
Мнѣ тайну ужаса открыла тишина,
И холодѣю я отъ чернаго сознанья.

Вверху, внизу, вездѣ, бездонность, глубина,
Пространство страшное съ отравою молчанья.
Во тьмѣ моихъ ночей встаетъ уродство сна
Многообразнаго, — кошмаръ безъ окончанья.

Мнѣ чудится, что ночь — зіяющей проваль,
И кто въ нее вступилъ, тотъ схваченъ темнотою.
Сквозь каждое окно — бездонность предо мною.

Мой духъ съ восторгомъ бы въ ничтожествѣ
пропалъ,
Чтобъ тьмой безчувствія закрыть свои терзанья.
— А! Никогда не быть внѣ Чиселъ, внѣ Сознанья!

Пѣсенки

1

Она умерла, умерла, она умерла отъ любви.
Съ разсвѣтомъ ее унесли, и за гробомъ немногіе
шли.

Ее схоронили одну, одну, какъ она умерла,
Ее схоронили одну, какъ она передъ смертью
была.

И съ пѣсней вернулись они: «Кому суждено, такъ
умретъ».

И пѣли, и пѣли они: «Для каждаго есть свой че-
редъ».

«Она умерла, умерла, она умерла отъ любви».
Ее унесли, и опять работать, работать пошли.

2

Море блеститъ за изгородью,
Море блеститъ какъ раковина.
Какъ бы его поймать? — Поймай!
Это веселый, веселый Май.

Нѣжно море за изгородью,
Нѣжно, какъ руки дѣтскія.
Такъ бы его и ласкалъ. — Ласкай!
Это веселый, веселый Май.

3

Прими всю глубь небесъ въ твои глаза съ ихъ
тьмою,

Своимъ молчаніемъ проникни въ тѣнь земли, —
И если жизнь твоя той тѣни не усилить,
Огни далекихъ сферъ въ нихъ зеркало нашли.

Гамъ, изгородь ночей, съ незримыми вѣтвями,
Хранить цвѣты огня, надежду нашихъ дней, —
Печати свѣтлыя грядущихъ нашихъ жизней,
Созвѣздыя, зримыя нѣмымъ вѣтвямъ ночей.

Гляди, будь самъ въ себѣ, брось чувства въ
область мысли,

Собою увлекись, будь на землѣ ничей, —
Безъ пониманія, глазами слушай небо,
Твое молчаніе есть музыка ночей.

4

Король покорилъ королеву
Черными своими кораблями,
И она «прости» сказала гнѣву,
И глядитъ покорными глазами.

5

Первый звонъ колоколовъ: — «Это въ ясляхъ
Царь Небесный!»

Звонъ смѣнился перезвономъ: — «Мой женихъ!
Скорѣй, скорѣй!»

И сейчасъ же вслѣдъ за этимъ — звонъ про-
тяжный похоронъ.

6

Мои глаза — два черныхъ бриллианта,
Они блестятъ подъ шляпою Рембрандта,
Сюртукъ мой черенъ, черны башмаки,
И токъ волосъ чернѣетъ вдоль щеки.

Зачуявъ злость, надмененъ я, конечно,
Улыбка лжива, взоръ горитъ сердечно.
Себѣ я видъ преважный сотворю,
Когда съ фальшивымъ братомъ говорю.

Хотѣлъ бы принцемъ быть я доскональнымъ,
Людовикомъ тринадцатымъ фатальнымъ,
И кто во мнѣ, чувствительность понявъ,
Найдетъ поэта, очень онъ лукавъ.

Однако, Богъ, какъ риѣму въ важномъ гимнѣ,
Даль сердце мнѣ — какъ всѣмъ другимъ — увы
мнѣ,

Судьба, въ забавѣ спутавъ смыслъ и счетъ,
Огонь горячій заложила въ ледъ.

Всѣ струны дрогнуть, предо мной сверкая,
Религія моя — душа людская.
Когда пою, въ мой входятъ звонкій пиръ
Кровь, золото, и розы, и Шекспиръ.

7

Подъ солнцемъ ярко-краснымъ,
Въ златистомъ вѣтрѣ вечера,
Пугаяся ночей,
Моя душа дрожащая...

Подъ голубой луной,
Въ златистомъ вѣтрѣ вечера,
Счастливица ночей,
Твоя душа поющая...

Но здѣсь у насъ въ тѣни,
Въ огнѣ моихъ очей,
Пугаясь свѣта дня,
Твоя душа дрожить.

Но здѣсь у насъ въ тѣни,
Въ лучахъ твоихъ очей,
Счастливая отъ дня,
Моя душа поеть.

8

Ночами лѣта голубыми,
Когда поютъ стрекозы,
На Францію Богъ пролилъ чашу звѣздъ.
До губъ моихъ доносить вѣтеръ
Вкусъ неба лѣтняго — и пью
Пространство, что свѣжо осеребрилось.

Вечерній воздухъ — край холодной чаши.
Полузакрывъ свои глаза,
Пью жаднымъ ртомъ, какъ будто сокъ граната,
Ту свѣжесть звѣздную, что льется отъ небесъ.

И лежа на травѣ,
Еще отъ ласки дня не охладѣвшей,
Съ какой любовью я испилъ бы,
Вотъ въ этотъ вечеръ,
Безмѣрную ту чашу голубую,
Гдѣ бродитъ небосводъ.

Не Вакхъ ли я? Не Панъ ли? Я пьянюсь
Пространствомъ, и горячее дыханье
Я укрощаю свѣжестью ночей.
Раскрыты губы небу, гдѣ трепещутъ
Созвѣздья — да въ меня стечетъ все небо!
Въ немъ да растаю я!

Пространствомъ опьянившись, небомъ звѣзднымъ,
Гюго и Байронъ, Ламартинъ и Шелли
Ужъ умерли. А все жъ пространство — тамъ,
Течетъ безгранное. Едва имъ опьянился,
И мчитъ меня, и пить хочу, еще!

Садъ Замкнутый

1

Къ грудямъ моимъ руки мои приложивъ,
И отъ игръ и отъ прялокъ усталыя,
Руки-подруги, чей бѣлый свѣтъ такъ красивъ, —
Какъ будто я въ водахъ дремлю,
Я сплю,
И зори надъ ними горятъ запоздалыя.
Далеко отъ печальныхъ и тщетныхъ скорбей,
На престолѣ моей красоты свѣтодарственномъ,
Эти хрупкія дремлютъ царицы въ безтрепетной
чарѣ своей,
Снится рукамъ моимъ о владычествѣ царствен-
номъ.
И одна, въ бѣлокурыхъ моихъ волосахъ,
Закрывъ, какъ когда-то, глаза въ блаженномъ
безсиліи,
Я ребенокъ, что держитъ міры, и въ мірахъ
Я дѣва, что держитъ лиліи.

2

Я играла въ горящемъ снѣгу
Звѣздъ рая,
И, сіяя,
Вся теперь я ими одѣта,
Въ волосахъ моихъ блѣдныхъ я ихъ берегу,
Что мерцаютъ, и есть они въ этихъ глазахъ,
полныхъ свѣта,

А инья растаяли здѣсь на губахъ,
А инья вотъ здѣсь на груди у меня.
На ладоняхъ инья погасли, на бѣлыхъ рукахъ.
Вся я сію въ лучахъ,
Вся я вкусила огня.

3

Она развязала на поясѣ узелъ, и стала, нагая,
Вся въ трепетѣ, руки свои въ полумгль приходу
его раскрывая.
Касанія рукъ его были — до воздуха, вѣтерковъ,
молчанья, и ночи,
И солнце явилось въ глазахъ у нея, ослѣпило ей
очи.
И его поцѣлуй, дрожащій и дикій, божескимъ
полный сномъ,
Былъ какъ цвѣтокъ, какъ цвѣтокъ раскрытый,
который срываютъ ртомъ.

4

Почему ты приходишь изъ прошлаго, изъ ми-
нувшаго,
Съ мечтами усталыми?
Что мнѣ въ томъ, что ты грезилъ въ тѣхъ «что-то»
уснувшаго,
Когда я еще не была съ губами этими алыми?
Не трогай прахъ мертвыхъ. Дымъ.
Я свѣтла.
Мои юные годы не болѣе тяжки мыслямъ моимъ,
Чѣмъ нѣжная тяжесть моихъ волосъ,
И цвѣты, что любовь въ нихъ вплела,
Въ брызгахъ росъ.

5

Я прильну къ тебѣ здѣсь, на сердце твое,
Какъ весна на море,
На равнинахъ моря бесплоднаго,
Гдѣ никакой цвѣтокъ не растетъ,
На просторѣ водъ,
И вѣтра свободнаго,
Кромѣ цвѣтовъ свѣтовыхъ,
Въ этихъ дыханьяхъ живыхъ.

Я прильну къ тебѣ здѣсь, на сердце твое,
Какъ птица морская,
Что, уставъ отъ усилья,
Прижавши къ себѣ свои крылья,
Льнетъ къ морю, себя отдавая,
Въ перистости нѣжной убранства,
Баюканью водъ,
И море, ее качая,
Колыбелить крылатую въ ритмѣ вѣчномъ волнъ
и пространства.

6

Протяни свои руки въ зыби мои,
Это покровъ мой муаровый,
Это покровъ мой изъ мирры,
Нарда, бензоя;
Все мое тѣло умощено,
Дышетъ оно,
Бедра мои
Поддались благовонной волнѣ.
Что еще изъ одежды осталось мнѣ,
Это волны моихъ распустившихся косъ,
Это волны моихъ золотыхъ волосъ,

Это — солнце, въ которомъ сюда я пришла,
Это — солнце, гдѣ я обнаженной была.

7

Когда ежевики багряныя зрѣли,
Онѣ мои губы поцѣлуйныя пропѣли,
И мои длинные волосы, теплые, теплые,
Какъ лѣтній дождь.

Когда золотыя лозы созрѣли,
Онѣ полузакрытые глаза мой пропѣли,
Истомные, свѣтящіеся, дымкою сокрытые,
Какъ въ осень небеса.

Во мнѣ всѣ дразненья вкуса, всѣ зыби тумана,
Всѣ разные свѣты. И зыбкая я какъ ліана.
Очертанья грудей у меня,
Какъ у огня
И цвѣтовъ.

8

Когда твои глаза глядятъ въ мои глаза,
Я вся, я вся въ моихъ глазахъ.

Когда твой ротъ размыкаетъ мой ротъ,
Вся любовь моя, вся, есть мой ротъ.

Когда до волосъ ты коснешься моихъ,
Вся жизнь, вся жизнь моя въ нихъ.

Когда ты рукою ласкаешь мнѣ грудь,
Какъ огонь я внезапный вхожу въ мою грудь.

Неужели тобою выбрана я?
Тутъ моя душа, тутъ вся жизнь моя.

Смерть

О, какая рука у ней маленькая, какая бѣлая!
Словно водная расцвѣтность, что склонилась
онѣмѣлая...

Она спитъ, она въ успокоеніи,
Смерть коснулась ея.

Нѣтъ въ ней чувства, она легка въ своемъ
успеніи,
На землѣ она совершила свое.

Можешь взять ее теперь, Господь, она
Счастья прикоснулась гранью сна.

На лицѣ ея луна, луны покровъ,
А въ глазахъ ея дымка облаковъ.

Ея ротъ полуоткрытъ, невозмутимъ,
Какъ у края кубка, который незримъ.

Пряди длинныхъ волосъ ея легли волной,
Какъ колосья, которые легли подъ косой.

Вся она кроткое успокоеніе,
Отъ нея отошли всѣ тревожности прочь.

Безшумно, медленно, безъ потрясенія,
Дверь открывается въ тихую ночь.

Къ самому себѣ

Итакъ, теперь ты навсегда утихнешь,
О, сердце утомленное мое.
Погибъ обманъ послѣдній, крайній, тотъ,
Который я считалъ въ себѣ безсмертнымъ.
Я чувствую, что умерла не только
Надежда на обманы дорогіе,
Погасло ихъ желанье. Успокойся,
Навѣки. Ты довольно трепетало.
Нѣтъ ничего, что бѣ стоило твоихъ
Движеній, и земля не стоитъ вздоховъ.
Тоска и горечь — наша жизнь, не больше;
Міръ — грязь. Теперь притихни и замри.
Въ послѣдній разъ отчайся. Рокъ намъ не далъ
Иного дара, кромѣ умиранья.
Отнынѣ презри самого себя,
Природу, оскорбительную силу,
Которая, скрываясь, заправляетъ
Ущербомъ общимъ, презри безконечность
Тщеты всего.

Къ Солнцу

Стой, Солнце, и услышь, я здѣсь къ тебѣ взываю,
И въ изступленьи радостномъ дерзаю
Вести съ тобою рѣчь.
Горить какъ ты мое воображенье,
И въ жаждѣ свѣтлыхъ встрѣчъ
Къ тебѣ высокое паренье
Къ золотику, впередъ,
Души безтрепетный полеть.
О, если бь голосъ мой былъ звукъ могучій,
И превышая грозный громъ,
Великій гулъ будя кругомъ,
Вознесся кверху, выше тучи,
Къ тебѣ, о, Солнце, до твоихъ горнилъ,
И ходъ твой средь небесъ остановилъ!
О, если бь пламя, что въ моемъ мышленьи
Всегда горитъ, всѣ чувства вдругъ зажгло,
Къ лучу, который такъ побѣденъ въ рдѣньи,
Вознесся бь жадный взоръ и просіялъ свѣтло,
Мои глаза въ твой ликъ, что свѣтитъ многозорно,
Горя, смотрѣли-бы упорно,
Не зная, сколько бы мгновений такъ прошло.
Какъ я тебя всегда любилъ, о, солнце въ блескѣ!
Съ какой ревнивою тоской,
Ребенокъ малый и простой,
По небу вышнему, какъ будто въ перелѣскѣ,
Хотѣлъ идти я за тобой,
И на тебя смотрѣлъ, блаженно-изступленный,
И созерцалъ твой свѣтъ душою опьяненной.

Отъ золотыхъ межей, гдѣ царствуетъ Востокъ,
 Весь опоясанный богатымъ Океаномъ,
 Что спряталъ жемчуга, закрывъ ихъ воднымъ
 станомъ,

До рубежей иныхъ, что западъ въ тѣнь облекъ,
 Пылающихъ одеждъ живое обрамленье
 Распростираешь ты, величественный царь,
 И міру льешь потоки рдѣнья,
 Его живишь теперь, какъ встарь.

Отъ своего чела ты мечешь день блестящій,
 Ты радость и душа Міровъ,
 Твой дискъ даруетъ свѣтъ и жаръ животворящій,
 И торжествующей короною шаровъ
 Ты встаешь, вѣнецъ, въ игрѣ огней горящій,
 Спокойно всходишь ты на золотой зенитъ,
 На царственный престолъ средь неба голубого,
 Ты въ пламенахъ живыхъ, твой ликъ огнемъ
 облить,

И вдругъ полеть задержанъ снова: —
 Отсюда пламенный свой бѣгъ
 Ты низвергаешь быстрымъ сходомъ,
 И волосы твои, въ сверканьи пышныхъ нѣгъ,
 Воспламененные раскинулись по водамъ,
 Ихъ Море приняло, волна дрожить огнемъ,
 И весь твой блескъ сокрылся въ немъ: —
 Еще прошедшій день примкнулъ къ безмѣр-
 нымъ годамъ.

Столѣтья безъ числа, ты видѣло ихъ всѣ,
 Въ бездонной пропасти временъ они забыты,
 И сколько пышныхъ царствъ забрезжило въ
 красѣ,

И были всѣ они на грани дней изжиты.
 Чѣмъ были предъ тобой? Въ тѣни глухихъ
 лѣсовъ

Листы срываются на вѣткахъ оголенныхъ,
И пляшутъ по кругамъ, подъ бѣшенствомъ
вѣтровъ,

Среди дыханій разъяренныхъ.
Тебя не тронулъ Божій гнѣвъ,
Когда кипѣлъ потопъ вокругъ гибнущей вселен-
ной,

И правосудною рукой былъ брошенъ сѣвъ
Карающей воды, и бури, долго плѣнной,
Вотъ вѣтеръ зарычалъ. Гудя, упалъ окрестъ
Разрывно-хриплый громъ, какъ камни на от-
косѣ,

И сдвинулись, дрожа, съ своихъ давнишнихъ
мѣсть,

Земли алмазныя скрѣпляющія оси.
И горы и пеля — вспѣненный океанъ,
И горы и поля — могила человѣка.
И содрогнулась глубь, недвижная отъ вѣка.
А ты надъ нѣмотой потопшихъ въ безднѣ странъ, —
Надъ бурей тронъ взнесло, какъ повелитель
міра,

Изъ сумраковъ тогда твоя была порфира,
Но ликъ былъ отданъ весь лучамъ,
И высоко взнесясь для огненнаго пира,
Свѣтило мирно ты, горя инымъ мірамъ.
И снова, свѣжія, другія,
Прошли столѣтья предъ тобой,
Какъ волны таяли морскія,
Крутятся по безднѣ голубой.
Толчкомъ взаимнымъ сокрушили
Другъ друга въ бѣшенствѣ зыбей,
Межъ тѣмъ какъ въ неизмѣнной силѣ,
Въ нетлѣнной красотѣ своей,
О, солнце, ты встаешь, свой ликъ всегда вздымая,

А тысяча вѣковъ лежитъ, толпа нѣмая,
На пепелищѣ дней.

И вѣчнымъ будешь ты, всегда неугасимымъ?

Не потускнѣетъ онъ, безмѣрный твой очагъ?

Ты не затынешься отяжелѣлымъ дымомъ, —

Стремя безсмертный бѣгъ, неся горючій стягъ?

Средь гибели время, гдѣ все въ забвеньи рав-
номъ,

Лишь ты останешься вовѣкъ самодержавнымъ?

Нѣтъ, потому что и къ тебѣ

Издалика, походкой мѣрной,

Подходить смерть, зовя къ судьбѣ,

Для всѣхъ, кто въ мѣрѣ, достовѣрной.

Кто знаетъ, можетъ быть, ты только бѣдный
лучъ, —

Лишь отраженный дискъ иного Солнца въ мѣрѣ,

Который былъ другимъ, прекраснѣе и шире,

Какъ тотъ иной Огонь пылалъ вдвойнѣ могучъ!

Такъ услаждайся же своею красотою,

И юностью своей, о, Солнце! Будетъ день,

То будетъ страшный день, какъ мощною рукою

Отца высокаго уроненная тѣнь

Наляжетъ тягостно на шаръ, еще горючій,

И разорвется онъ, и въ вѣчность соскользнетъ,

Кусокъ въ моряхъ огня, обломки въ смутѣ
жгучей,

Закутанный навѣкъ, могильный въ свой чередъ,

Въ моряхъ стократныхъ бурь, во мракѣ безконеч-
номъ,

Твой чистый свѣтъ умереть: —

И ночь всю высь небесъ скуетъ покровомъ
вѣчнымъ,

И отъ твоихъ огней, пылавшихъ день деньской,

Ни даже памяти не будетъ никакой!

Къ Ночи

Привѣтъ тебѣ, Ночь покоя,
Ты міръ обняла величаво,
Въ печальномъ тревогу смягчаешь,
Пріятной твоей темнотой.

Ручей вдалекѣ серебрится,
Теперь онъ лепечетъ тихонько,
И между вѣтвями пѣвуче
Неясный шуршитъ вѣтерокъ.

Гора затянулась тѣнями,
Лужайки окутались въ сумракъ,
И звѣзды прерывистымъ свѣтомъ
Чуть свѣтятъ, наполнивъ просторъ.

Печальнаго ропота полны
Потоки широкаго Моря,
И въ призрачномъ бѣломъ свѣченьи
Огни проскользаютъ волной.

Рѣка въ равномерномъ величьи
Теченье окутала въ трауръ,
И въ полѣ цвѣтистыя краски
Смѣшались, смягченныя мглой.

Къ ночлегу овецъ своихъ гонить
Усталый пастухъ торопливо,

И пахарь бодиломъ торопитъ
Лѣниво-тяжелыхъ быковъ.

Того, кто окончилъ работу,
Ждетъ съ ужиномъ скромнымъ супруга,
Здоровыя, крѣпкія дѣти,
Уютъ предъ живымъ очагомъ.

Въ твоёмъ примиренномъ покоѣ,
О, Ночь, всѣ находятъ свой отдыхъ,
И даже, кто горестный плачетъ,
Глаза осушаешь ты сномъ.

Какая услада молчанья,
Какая пріязнь затемненья!
Какъ тихо въ душѣ отъ сознанья,
Что вотъ она только съ собой!

Угрюмый вѣщательный филинъ
Вдругъ крикнетъ, и хриплый тотъ голосъ,
Дойдя отъ могилы къ могилѣ,
На краткость прерветъ ихъ покой.

Вонъ тамъ, на возвышенной башнѣ,
Чуть теплится, млѣя, лампада,
И черныя шаткія тѣни
Встаютъ, возникаютъ кругомъ.

Но вотъ ужъ съ серебрянымъ дышломъ
Луны возстаетъ колесница,
И свѣтомъ ея безмятежнымъ
Залиты вершины холмовъ.

Съ величьемъ она выплываетъ,
И звѣзды предъ нею блѣднѣютъ,

Лазурь вознесеннаго неба
Наполнена свѣтлымъ лучомъ.

Источникъ скользитъ безмятежный,
И, въ зеркалѣ ясномъ, качаясь,
Сіянье дрожитъ отраженьемъ
Среди успокоенныхъ водъ.

Рѣчное чуть зыбится лоно,
Рыбакъ нагибается въ лодкѣ,
И слышится стройная пѣсня,
И чуть ударяетъ весло.

Поетъ соловей для супруги,
Измѣнчиво-разною пѣсней
Ее онъ баюкаетъ нѣжно,
Единственный въ чащѣ лѣсной.

Порою надъ крышею дома,
Надъ крышею дома другого,
Восходятъ колонны изъ дыма,
И прорваны дымы Луной.

Сквозь вѣтви сплетенныя густо,
Лучи пробираются робко,
И листья, ихъ токъ преломляя,
Ихъ дѣлаютъ смутной волной.

И вдругъ вѣтерокъ умиленный
Прошепчетъ, летя надъ цвѣтами,
И тотчасъ струей благовонной
Полей преисполненъ просторъ.

Случайное эхо въ ущельяхъ
Подхватить блуждающій голосъ,
Немедленно эхо другое
Торопится съ той же игрой.

Молчанье, покой умягченный
Сливаются съ звукомъ неяснымъ,
И образъ темнѣющей Ночи
Желанень вдвойнѣ оттого.

Привѣтъ, о, подруга печальныхъ,
Тоску огорченнаго сердца
Смягчаешь ты нѣжнымъ бальзамомъ,
И только въ тебѣ есть покой.

ПѢСНЬ ПИРАТА

Десять пушекъ тамъ по борту,
Вѣтеръ бьется за кормою,
Не плыветъ-летитъ стрѣлою
Черезъ море быстрый бригъ.

Тотъ корабликъ, тотъ пиратскій,
Что всему извѣстенъ морю,
Имя-Страшный, и не спору,
Онъ слыхаль послѣдній крикъ.

Лунный свѣтъ на морѣ пляшетъ,
Въ парусъ дунувъ, вѣтеръ бьется,
Серсбромъ и синью льется
Глубь морская, долгій гуль.

Капитанъ пиратъ веселый,
Знаетъ въ Азіи всѣ тропы,
Знаетъ всѣ пути Европы,
Пряникомъ предъ нимъ Стамбуль.

Онъ поетъ, и пѣсня — дѣло.

«Ты плыви, корабль мой, смѣло,
Не робѣй.

Хоть бы всталъ корабль здѣсь вражій,
Хоть бы волны вдругъ, какъ кряжи,
Взвились кверху, или даже
Хоть бы вѣтеръ сталъ хитрѣй,
Сталъ манить уплыть скорѣй,
Судьбы многи,
Но дороги

Не измѣнишь ты своей.

Двадцать схватокъ,
 Всѣ съ добычей.
 Чтò намъ въ кличѣ
 Англичанъ!
 Стягъ оборванъ,
 Вѣрнымъ ходомъ,
 Ста народамъ
 Разныхъ странъ.

Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,
 Воля — Богъ мой, вольный я,
 Путь мой вѣтеръ переменный,
 Море — родина моя.

«Пусть ведутъ цари слѣпые, —
 За пригоршню за одну
 Праха, — дикую войну.
 Волны моря голубыя
 Мнѣ даруютъ весь просторъ,
 Все, къ чему коснется взоръ.
 На волнахъ морского лона
 Нѣтъ для смѣлаго-закона,
 И никто мнѣ не укоръ.

Чье побережье
 Гдѣ-бъ ни было,
 Что мнѣ мило,
 То мое.
 Всякъ узнаетъ,
 Сила — правò,
 Въ этомъ слава,
 Мчи ее.

Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,
 Воля — Богъ мой, вольный я,
 Путь мой — вѣтеръ переменный,
 Море — родина моя.

«Чуть раздастся крикъ: — «Глядите,
Мы подходимъ къ кораблю!» —
Чуетъ онъ, что утоплю,
Тотчасъ въ немъ не мало прыти,
И на всѣхъ онъ парусахъ
Путь мѣняетъ на волнахъ,
Но съ судьбой напрасно споря,
Ибо я владыка моря,
И несу съ собою страхъ.

Я добычу
Не считаю,
Раздѣляю
Все равно,
Лишь бы только
Въ мигъ счастливый
Мнѣ съ красивой
Быть дано.

Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,
Воля — Богъ мой, вольный я,
Путь мой — вѣтеръ переменный,
Море — родина моя.

«Я не вѣдаю боязни,
Къ смерти я приговоренъ.
Какъ бы этотъ я законъ
Да къ тому, кто слово казни
Произнесъ въ напрасномъ злѣ,
Не явилъ въ моемъ жерлѣ.
Иль повѣшу въ часъ напасти,
Я его на зыбкой снасти,
На его же кораблѣ.

Если-жь гибель,
Ну, такъ что же?
Не дороже
Жизнь, чѣмъ мѣдь.

Я ужь сбросилъ
 Всѣ вериги,
 И объ игѣ
 Не жалѣть.

Мой корабль, — мой кладъ безцѣнный,
 Воля — Богъ мой, вольный я,
 Путь мой — вѣтеръ переменный,
 Море — родина моя.

«Слаще музыки не чаю,
 Чѣмъ свирѣлый вой вѣтровъ,
 Скрипъ и трепеть парусовъ,
 Путь впередъ, куда не знаю.
 Въ ревѣ бури видѣть радъ
 Раскачавшійся канатъ,
 И среди пучины черной
 Сладко слышать мнѣ повторный
 Пушекъ яростный раскатъ.

И въ гудѣньи,
 Въ гулѣ грома
 Мнѣ знакомо —
 Не съ борьбой,
 Но на морѣ
 Колыбельномъ,
 Въ счастья цѣльномъ,
 Питъ покой.

Мой корабль — мой кладъ безцѣнный,
 Воля — Богъ мой, вольный я,
 Путь мой — вѣтеръ переменный,
 Море — родина моя.

Палачъ

Среди людей отброшенный къ презрѣнью,
Ихъ преступленья жертвою я сталъ,
Другъ друга ненавидѣть изѣгають,
И сгромоздили ненависть во мнѣ.
И, въ руку мнѣ вложивъ всю злую память,
Велѣли мнѣ быть мстителемъ за нихъ.
Такъ про себя промолвили: — «Пусть мщенье,
За насъ, за всѣхъ, пусть месть въ него падеть.
Пусть лобъ его хранить проклятье наше,
Пусть мѣситъ хлѣбъ на желчи съ кровью онъ,
И гербъ его есть вѣчность поношенья,
Его въ наслѣдство сыну передастъ,
Онъ пр клятый отъ общества навѣки».
И винъ своихъ покровъ швырнули мнѣ,
И отъ меня поспѣшно убѣжали, —
Мой плачъ, мой крикъ, — нѣтъ жалости ему.

Кто къ смерти присуждаетъ, онъ возвышенъ.
Судья-ли человѣку человѣкъ?
Не чувствуетъ палачъ, не человѣкъ онъ, —
Воображаютъ люди иногда.
Не видно имъ, что тотъ же образъ Божій
Есть и во мнѣ! А я для нихъ какъ звѣрь,
И звѣрю въ пасть, порой, добычу бросать.
Какъ жертва тамъ въ зубахъ его хруститъ,

Такъ геній зла, меня избравъ орудьемъ,
 Бросаетъ человѣка мнѣ на смерть.
 И справедливо, я же лишь проклятый,
 Безъ преступленья, но преступникъ я? —
 Взгляните, какъ, за смерть платя, надмененъ
 Кто платитъ мнѣ, — какъ деньги онъ швырнетъ
 На землю, — мнѣ, тому, кто здѣсь съ нимъ
 равный!

Та пытка, что ломаетъ кости, хрусть,
 И жалкій вскрикъ, съ которымъ осужденный
 Промолвить: — «Ай!», и трескъ разъятыхъ жилъ,
 Подъ топоромъ, который рухнулъ книзу,
 Моя услада. И когда подъ гуль,
 Съ которымъ голова падеть на камни,
 Несчастная въ кровавохъ брызгахъ вся,
 Народъ объять свирѣпой суматохой,
 Мой лобъ спокойно свѣтитъ надъ толпой,
 Ужасный, съ торжествомъ неумолимымъ.
 Весь гнѣвъ людей, и вся людская злость
 Во мнѣ, жестокость душъ ихъ нечестивыхъ
 Вся перешла дыханьемъ на меня,
 И я, ихъ мечь, и мечь мою свершая,
 Весь упиваюсь ужасомъ моимъ.

Онъ болѣе высокъ былъ, чѣмъ властитель,
 Способный гордо растоптать законъ,
 Палачъ, вниманьемъ этимъ всенароднымъ
 Взнесенный, — власть была въ его плечахъ,
 Насытился онъ ею, опьянился,
 И въ этотъ день онъ такъ былъ услажденъ,
 Что не могли не увидать веселья
 Въ его лицѣ его жена, семья: —
 Взамѣнъ густого мрака страшной жути,

Увидѣли усмѣшку въ горькомъ ргѣ,
Въ глазахъ огонь, судьбинный и упорный.
Палачъ съ враждой взнесенъ былъ на престоль,
И тотъ народъ, который съ громкимъ крикомъ
Его бы могъ поднять на высоту,
Дрожа, призналъ, что онъ владыка и щеня.

Во мнѣ живеть, какъ въ лѣтописи, мѣръ,
Судьба тотъ свитокъ кровью написала,
И на страницахъ красныхъ тѣхъ самъ Богъ
Напечатлѣлъ мой образъ величавый.
Ужъ вѣчность поглотила сто вѣковъ,
И сто еще, а зло во мнѣ, какъ прежде,
Свой памятникъ тяжелый зреть и зреть.
И тщетно человѣкъ, какъ вѣтромъ взятый,
Туда, гдѣ расцвѣтаетъ свѣтъ, летить,
Столѣтьями еще палачъ все править!
И съ каждой каплей красной, что на мнѣ,
Вновь зримо преступленье человѣка,
Неразлучимо-двойственная связь: —
Отображенье всѣхъ временъ прошедшихъ,
И гнѣвныхъ, вслѣдъ за ними, сто тѣней.

О, почему отъ палача рожденъ ты,
Мой сынъ, мой мальчикъ, чистый какъ хрусталь?

Твой нѣженъ ротъ, какъ будто это ангель
Сквозь дѣтскій смѣхъ улыбку показалъ.
Твое чистосердечіе, невинность, —
О, горе мнѣ! — вся красота твоя,
Въ моей душѣ рождаютъ только ужасъ,
Зачѣмъ съ несчастнымъ этимъ тратишь ты,
О, женщина, любовность нѣжной ласки?
Явись какъ сострадательная мать,

И утопи его, онъ будетъ счастливъ,
Ты можешь быть увѣрена вполнѣ.
Что въ томъ, что миръ тебя сочтетъ жестокой?
Иль хочешь ты, чтобы мое избралъ
Презрѣнное онъ дѣло? Или хочешь,
Чтобъ научился проклинать тебя?
Подумай, будетъ день, и ты однажды
Того, кто здѣсь играетъ предъ тобой,
Увидишь, какъ меня, проклятымъ въ мѣрѣ,
Преступнымъ, затемненнымъ, какъ меня!

Романсъ

Надъ вершиною Хорэба
Чуть рожденная Луна,
И могучій на равнинѣ .
Рыцарь видится въ бронѣ.

Подъ лучомъ печальнымъ свѣтитъ
Крестъ на латахъ, на груди,
Паладинъ, въ защиту вставшій
За святой Ерусалимъ!

Бдетъ онъ отъ Иордана,
Вдоль теченья иногда,
И въ парадной и въ богатой
Блещетъ сбруѣ стройный конь.

Между тѣмъ ему навстрѣчу
Тамъ Арабъ на скакунѣ,
Онъ съ копьемъ, съ кривою саблей
И съ сіяющимъ щитомъ.

Конь бѣжитъ, гремитъ оружье,
Слышитъ, видитъ паладинъ,
Отпустилъ коню онъ поводъ,
И къ невѣрному, впередъ.

И Арабъ ужъ наготовѣ,
Жаждетъ славы, помнитъ честь,

Приложилъ къ плечу десницу,
Ринулъ въ смѣлаго копье.

Полетѣло съ быстрымъ свистомъ,
Невредимъ христіанинъ,
Пролетѣвши мимо, на земь
Пало, дрогнула земля.

«Сдайся, Мавръ,» ему кричитъ онъ,
«Ярость бѣшенства сдержи,
«Я Ричардъ.» — «А что мнѣ въ этомъ,
«Если я Абенаметъ?»

И въ отвѣтъ ему на слово
Мечетъ дикій онъ ударъ,
Сталь Дамасская сверкнула
Край у шлема срѣзанъ прочь.

Съ гнѣвомъ мощную сѣкиру
Самодержецъ Англичанъ
Взнесъ, тюрбанъ разрубленъ, вмѣстѣ
Съ мусульманской головой.

Эту тяжкую сѣкиру —
Изъ носившихъ тяжесть лать —
И обѣими руками
Не приподнялъ бы никто.

Перевороты Земного Шара

Ужь тысяча вѣковъ прошла надъ міромъ,
Промчались какъ колонны изъ огня,
И міръ, объятый страхомъ, видѣлъ четко,
Свою предоущая гибель въ томъ,
Какъ половина видимой вселенной
Сокрылась въ Море, и ушла въ ничто.

Гигантскій ураганъ безмѣрной дланью
Качнуль міротвореніе кругомъ,
И полосы содвинулись. И путникъ,
Блуждая, видитъ горную смолу.
Береть обломокъ Этны, — превращаетъ
Въ воздушность пыли твердую кору,
И смотритъ, нѣтъ-ли въ этомъ блѣдномъ прахѣ
Мозаики, гдѣ Геркуланумъ спитъ.
Гдѣ древле находилась Атлантида?
Взгляни туда, въ кипящій Океанъ,
Тамъ корабли, что, путь не разумѣя,
Прибрежій дальнихъ бросивъ тишину,
Довѣрили волнамъ желѣзный якорь,
И межъ обломковъ, скрытыхъ тамъ на днѣ,
Желѣзный якорь въ Морѣ зацѣпился,
Къ обломкамъ Атлантиды онъ прильнулъ,
Вонзился въ башни древней Атлантиды.

Гимнъ Безсмертію

Прибѣтъ тебѣ, пламя творческое міра,
 Вѣчнаго знанья пылающій языкъ,
 Чистый зачатокъ, исходъ обильный пира,
 Призракъ смертельный къ ногамъ твоимъ по-
 никъ.

Ты вещество неподвижное волнуешь,
 Велишь соединяться ему и жить,
 Ты глину ваяешь, и въ обликахъ ликуешь,
 Въ тысячахъ существъ свою проводишь нить.

Созданія свои разрушаешь напрасно,
 Смерть превозмогаетъ надъ жизнью порой.
 И вновь изъ обломковъ встаешь ты ежечасно
 Въ новыхъ созиданьяхъ торжествующей игрой

Горнило Солнца питаешь ты собою,
 Лазурью одѣваешь нѣмыя небеса,
 Луну серебришь надъ облачной мглою,
 Тобой сіяетъ зорь вѣчная краса.

Рождаешь переклички въ роцѣ туманной,
 Деревьямъ ты даруешь зеленый уборъ,
 Въ рѣкѣ ты, какъ музыка съ печалью тонко-
 тканной,
 Въ Морѣ — какъ хриплый угрожающій хоръ.

Въ цвѣтахъ ты выдыхаешь ихъ душу ароматомъ,
Въ долинахъ вздыхаешь любовью весной,
Шепчешь ты въ крыльяхъ воздухомъ разъятымъ,
Въ сѣверномъ вѣтрѣ гремишь глубиной.

Въ землѣ разливаешь золото обильно,
Кипящаго металла извиваются ручьи,
Жемчугъ расцвѣчаешь, и онъ хранитъ умильно
Въ пропастяхъ Моря отсвѣты свои.

Тучь фислетовыхъ сгущаешь ты ткани,
Черную мантию качаешь ты въ вѣтрахъ,
Воздухъ зажжешь, онъ полощъ содрогаши,
Ревомъ своимъ внушаешь ты страхъ.

Ты чистое сѣмя жизни безконечной,
Источникъ достовѣрный, бессмертно-молодой.
Свѣтъ, что Создатель излилъ къ намъ Вѣчный,
Сущность твоя — юность съ красотою.

Ты тайная сила, которая владѣетъ
Осями міра, понуждая вѣрный ходъ,
Глубокое и стройное чувство, что лепѣтъ
Любой изъ тѣхъ шаровъ, что живутъ небосводъ.

Столѣтья, которыя несутся, улетаю,
Твои неустомимые художники, кому
Довѣрена изъ духа рѣзьба золотая,
Ею украшаютъ тѣсную пурьму.

Ты водоворотомъ, вихремъ непрерывнымъ,
Толкаешь ихъ впередъ, столѣтія идутъ,
И новымъ ты велишь придти путемъ извив-
нымъ,
И только повелишь, столѣтія ужь тутъ.

Въ томящемся стремленьи, тревожною рѣкою,
Уходятъ и приходятъ, не виденъ ихъ конецъ,
И въ дѣланьи вѣчномъ проворною рукою
Другъ у друга вырываютъ созидающій рѣзецъ.

Силы примѣняютъ въ стараніи упорномъ,
Работаютъ безъ устали въ безмѣрной мастерской,
Вещество ударяютъ ударомъ повторнымъ,
Трудъ умножая заботой и тоской.

Въ жизни текучей, въ глубокомъ Океанѣ,
Въ непрерывной перемѣнѣ проплываетъ че-
ловѣкъ,
И творческій посѣвъ обильныхъ созиданій
Ты льешь въ него потокомъ неистощимыхъ
рѣкъ.

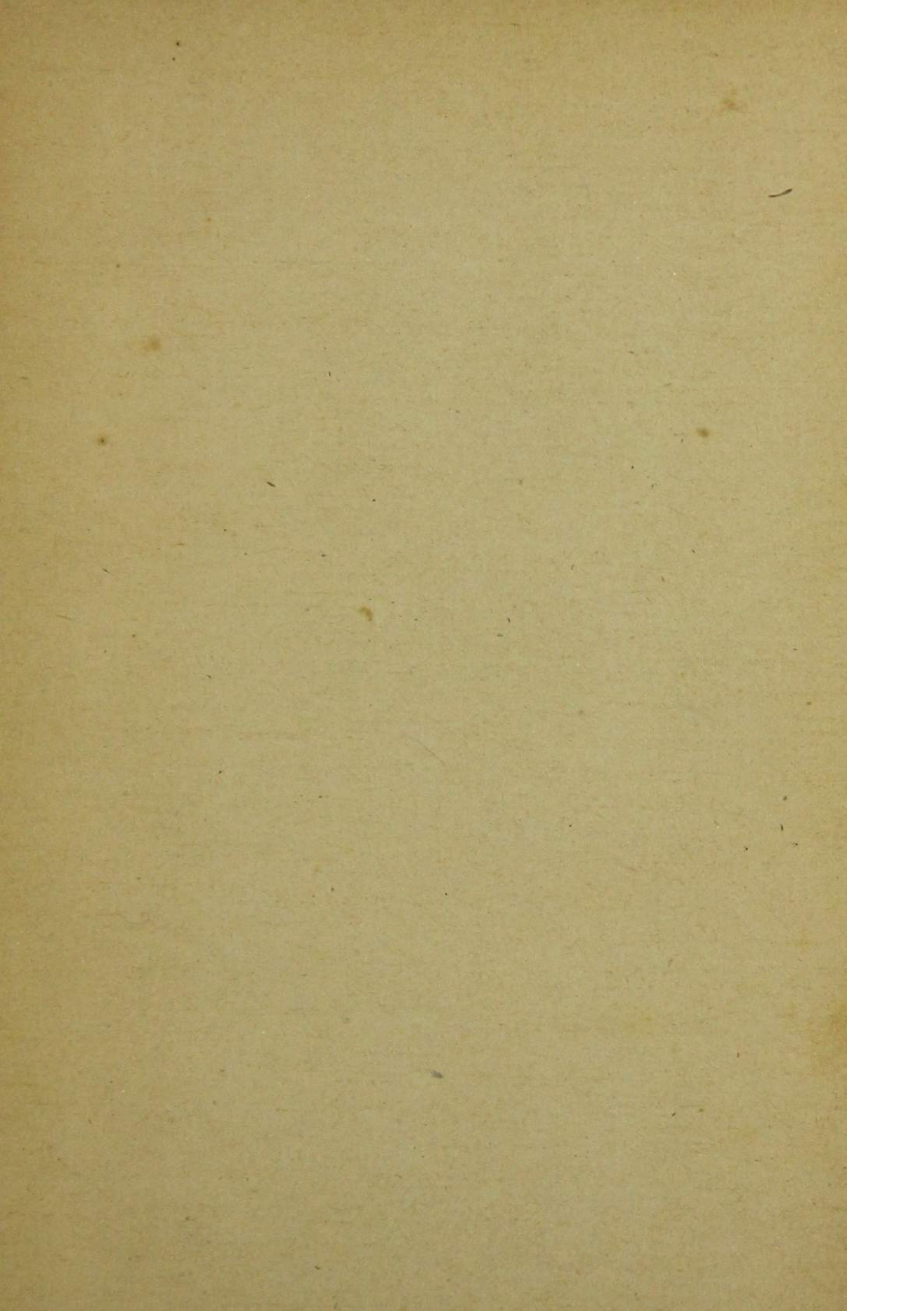
Подними, человѣкъ, чело свое высоко,
Къ вѣчному потоку припади своимъ ртомъ,
Ты будешь какъ солнце, какъ зарево Востока,
Ты будешь бессмертнымъ, какъ міръ кругомъ.

Оглавление

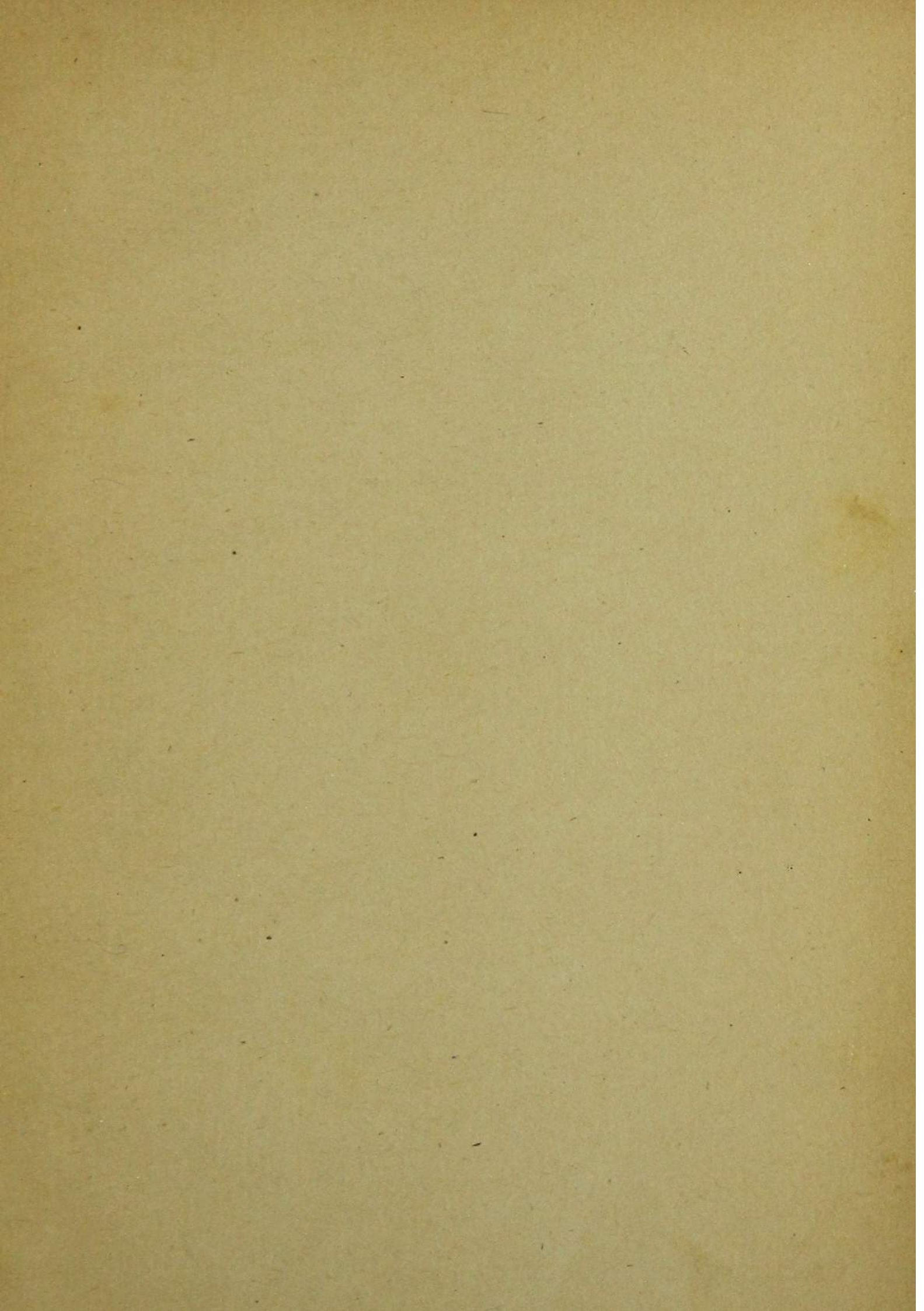
	Стр.
Отрывокъ изъ Эдды. Пѣснь о Сигурдѣ	7
РУСТАВЕЛИ	
Грузинская ода къ Тамарь	18
Четырестрочія Вступительныя къ Грузинской поэмѣ 12-го вѣка «Носящій Барсову Шкуру»	19
УИЛЬЯМЪ БЛЭКЪ	
Радость — дитя	27
Маленькій мальчикъ потерявшійся	28
Маленькій мальчикъ найденный	29
Колыбельная пѣсня	30
Ночь	32
Тайна любви	34
Тигръ	35
Книга Тель	36
КОЛЬРИДЖЪ	
Кубла Ханъ	45
ВОРДСВОРТЪ	
Уединеніе	48
БАЙРОНЪ	
Прометей	50
Стансы для музыки	51
ШЕЛЛИ	
Облако	52
Къ жаворонку	55
Мимоза	60
Озимандія	72
ЭДГАРЪ ПО	
Воронъ	73
Колокольчики и колокола	80

Фейная страна	84
Уляшомъ	86
Аннабель-Ли	90
ДАНТЕ РОССЭТТИ	
При паденіи листовъ	92
УОЛЬТЬ УИТМАНЪ	
Въ садъ міровой	93
Одинъ часъ безумья и радости	94
Я васъ слышалъ, торжественно-нѣжныя трубы органа	96
Мы двое, какъ долго мы были обмануты	97
Ласка орловъ	99
Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго	100
Какъ Адамъ раннимъ утромъ	101
Тотъ, кого я люблю днемъ и ночью	102
Спящіе	104
Изъ колыбели безконечно баюкающей	107
Слезы	117
Прощай, моя Мечта	118
ТЭННИСОНЪ	
Слезы	120
Кракенъ	121
Странствія Мальдуна	122
Вкушающіе лотосъ	132
Волшебница Шалотъ	140
ГЕТЕ	
Границы человѣчества	146
Прометей	148
ГЕЙНЕ	
Утромъ вставъ, я вопрошаю	151
Въ волшебно-свѣтлый мѣсяць май	152
Изъ моихъ скорбей великихъ	153
Твои бѣлые лиліи-пальцы	154
Когда разлучаются двое	155
На дальнемъ горизонтѣ	156
Мы всѣ у рыбачьяго дома	157
Король Гаральдъ Прекраснокудрый	159
На перекресткѣ зарываютъ	161

Смерть это свѣлая ночь	162
Что хочеть слеза одинокая	163
Звѣзда сорвалась, упадаетъ	164
ЛЕНАУ	
Солнечный закатъ	165
На пруду, гдѣ тишь нѣмая	166
Зимняя ночь	167
Къ печали	168
Тихая достовѣрность	169
Прощальный взглядъ	170
БОДЛЭРЪ	
Балконъ	171
Красота	173
Смерть влюбленныхъ	174
Гигантша	175
Пропасть	176
ПОЛЬ ФОРЪ	
Пѣсенки	177
ВАНЪ ЛЕРБЕРГЪ	
Садъ замкнутый	182
Смерть	186
ЛЕОПАРДИ	
Къ самому себѣ	187
ДОНЪ ХОСЭ ДЕ ЭСПРОНСЕДА	
Къ Солнцу	188
Къ ночи	192
Пѣснь Пирата	196
Палачъ	200
Романсъ	204
Перевороты Земного Шара	206
Гимнъ Безсмертію	207

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ.

中原書店
平東安市場

